

РАЗРУШЕННЫЕ И ОСКВЕРНЕННЫЕ ХРАМЫ

... Как омыло меня теплом вашим, всех, этими волнующими вестями и поздравлениями, которые пришли все в плюс-минус 2 дня от срока между 9 и 13 декабря. Как будто всех вас повидал или побывал среди вас. А альбом церквей - это уже совершеннейшее чудо, без слез нельзя его смотреть (поправлять не берусь). Спасибо Семену огромное - не от одного меня, а от всех будущих смотроков. И - отдельно за поздравление ему же. Я им вообще восхищаюсь и удивляюсь, дай же Бог ему здоровья, благополучия и жизни попольше.

..... Обнимаю душевно Вас и всех друзей.

РАЗРУШЕННЫЕ И ОСКВЕРНЕННЫЕ ХРАМЫ

Москва и Средняя Россия
с послесловием «Пределы вандализма»

ПОСЕВ

На обложке: Троицкая церковь (1765), с. Троицкое
Московской области

Художественное оформление: А. Русак

В Самиздате Альбом выпущен в 1978 году и передан
Александру Солженицыну ко дню его шестидесятилетия

© Possev-Verlag, V. Gorachek K. G., 1980

Frankfurt/Main

Printed in Germany

ПУТЕШЕСТВУЯ ВДОЛЬ ОКИ

Пройдя просёлками Средней России, начинаешь понимать, в чём ключ умиротворяющего русского пейзажа.

Он — в церквях. Взбежавшие на пригорки, взошедшие на холмы, паревшими белыми и красными вышедшие к широким рекам, колокольнями стройными, точеными, резными поднявшиеся над соломенной и тёсовой повседневностью — они издали издали кивают друг другу, они из сёл разобщённых, друг другу невидимых, поднимаются к единому Небу.

И где б ты — в поле, в лугах ни брёл, вдали от всякого жилья, — никогда ты не один: поверх лесной стены, стогов наметанных и самой земной округлости всегда манит тебя маковка колоколенки то из Борок Ловецких, то из Любичей, то из Гавриловского.

Но тыходишь в село и узнаёшь, что не живые — убитые приветствовали тебя издали. Кресты давно сшиблены или скривлены; ободранный купол зияет остовом проржавевших ребер; растёт бурьян на крышах и в расщелинах стен; редко ещё сохранилось кладбище вокруг церкви, а то — свалены и его кресты, выворочены могилы; заалтарные образы смыты дождями десятилетий, исписаны похабными надписями.

На паперти — бочки с соляровкой, к ним разворачивается трактор. Или грузовик въехал кузовом в дверь притвора, берёт мешки. В той церкви — подрагивают станки. Эта — просто на замке, безмолвная. Ещё в одной и ещё в одной — клубы. «Добьёмся высоких уроев!», «Поэма о море», «Великий подвиг».

И — всегда люди были корыстны, и — часто нелобры. Но раздавался звон вечерний, плыл над селом, над полем, над лесом. Напоминал он, что покинуть надо земные мелкие дела, отдать час и отдать мысли — Вечности. Этот звон, сохранившийся нам теперь в одном только старом напеве, поднимал людей от того, чтобы опуститься на четыре ноги.

В эти камни, в колоколенки эти наши предки вложили всё своё лучшее, всё своё понимание жизни.

Ковырай, Витька, долбай, не жале! Кино будет в шесть, танцы в восемь!

А. Солженицын

СРЕДНЯЯ РОССИЯ

Северо-восточная часть Золотого Кольца

*Подвижнику Земли Русской
Александру Солженицыну
ко дню его шестидесятилетия*

Два пути, ведущие к Небу, ближе всего русской душе — Святость и Красота. На пересечении этих дорог возникло одно из высших проявлений гения нашего народа — русские церкви.

Почти тысячелетие строили их наши предки, не только для себя, но и для нас и для наших детей. Но большинства их ни мы, ни дети наши уже не увидим, разве что на фотографиях, как в этом альбоме. Зато, может быть, эти фотографии помогут нашим детям разгадать загадку: что за существа посетили тогда нашу страну, для которых жизнь на одной земле с этой красотой была невозможна? И почему весь народ не схватил их за руки?

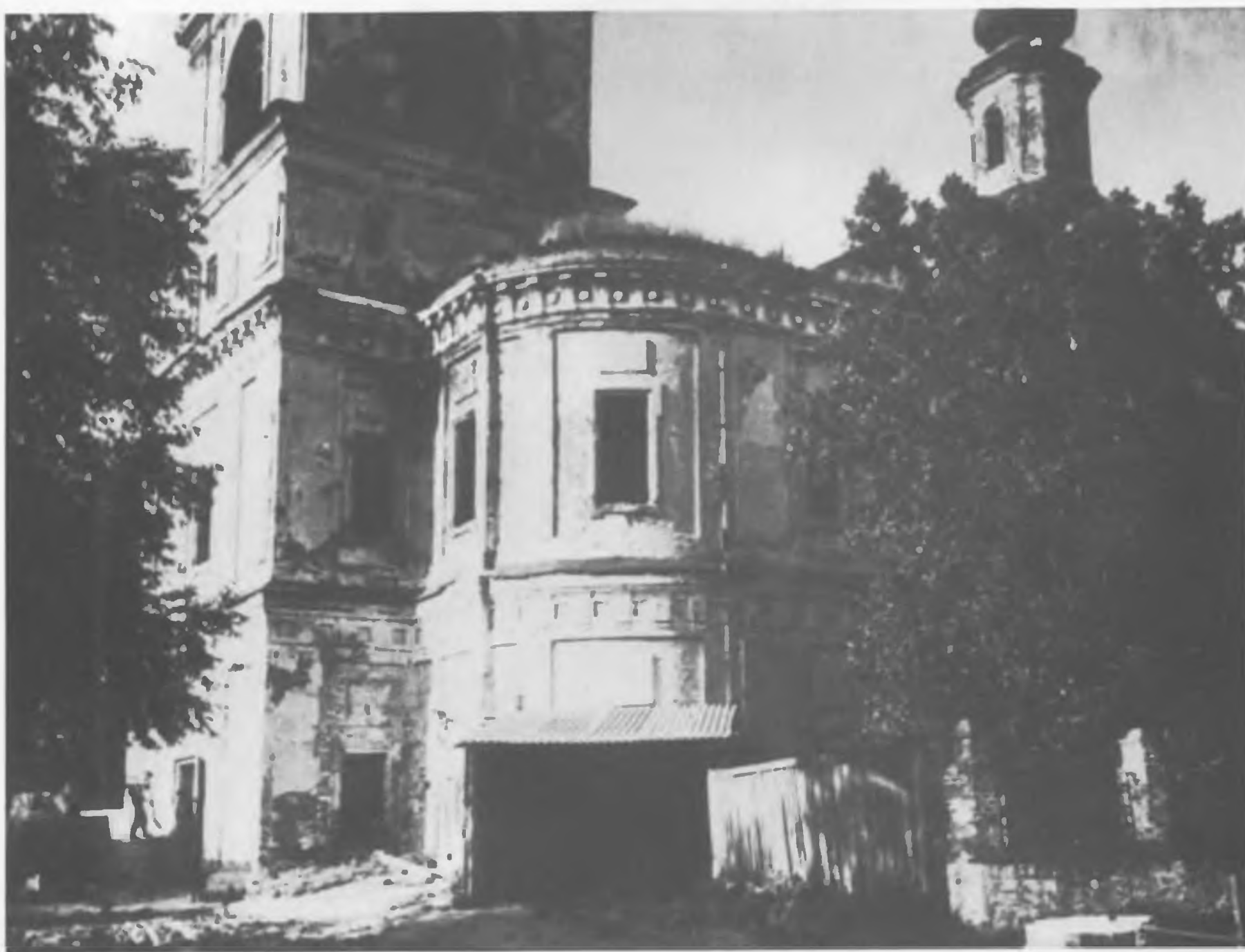

Церковь в селе Ловцы Московской обл.
(в «Крохотке» — Борки Ловецкие)

Церковь в селе Любичи
Московской обл.

Церковь в селе Гавриловское Московской обл.

Церковь Знамения (1769), с. Знаменское Московской обл.

В начале века
Богоявленская церковь в Покровско-Паисиевом монастыре (1598—1670)
Теперь...

Церковь XVIII в. в Переславле-Залесском
Теперь ремонтные мастерские колхоза

Церковь Воскресения в Федоровском монастыре (XVIII в.), Переславль-Залесский

снаружи...

Никольская церковь (1811),
с. Озерское Московской обл.

внутри...

Никольская церковь (1778), с. Переборово Владимирской обл.

Корсунская церковь (1834), с. Глинково Московской обл.

В начале века...

Никольская церковь (1827—1830),
с. Бужаниново Московской обл.

Теперь...

Богоявленская церковь (1769), с. Симы Владимирской обл.
В 1812 г. в этой церкви отпевали умершего от ран князя Багратиона

Воскресенская церковь (1791—1810), с. Панфилово Владимирской обл.

Собор Федоровского монастыря (XVI в.) в Переславле-Залесском

Усадебная церковь (первая пол. XVII в.) в селе Погорелово Ярославской обл. Бывшее имение боярина Матвеева, ныне — колхоз «Путь Ильича»

Троицкая церковь (1765), с. Троицкое Московской обл.

Троицкая церковь (1765),
с. Троицкое Московской обл.

Церковь Михаила Архангела (1765),
с. Теренеево Владимирской обл.

Троицкая церковь (конец XVI в.),
с. Пололец Владимирской обл.

Церковь Петра и Павла (апсиды 1684-88) в подмосковной усадьбе Петровское князей Голицыных
Было...

Стало...

Церковь (1708) в селе Бурцево
Московской обл.

Воздвиженская церковь (1776),
с. Перемилово Владимирской обл.

Церковь конца XVIII в. в селе
Никулино Владимирской обл.

Колокольни второй половины
XVII в. Даниловского монастыря
в Переславле-Залесском

Трапезная палата Даниловского монастыря (1695) в Переславле-Залесском. Создана по аналогии с трапезной Троице-Сергиевой лавры по заказу князя И. П. Барятинского

Церковь конца XVIII — начала XIX в.
в селе Савинское Ярославской обл.

Усадебная церковь в селе
Любимовка Московской обл.

В начале века...

Благовещенский собор в городе
Юрьевец Ивановской обл.

Теперь...

В начале века...

Церковь Воскресения на Пушавке
(1717), г. Пучеж Ивановской обл.

Теперь...

Федоров монастырь (середина XVII в.),
г. Переславль-Залесский

Федоров монастырь. Собор, придел XIX в.,
г. Переславль-Залесский

Троицкая церковь
с. Новая Шурма Московской обл.

Колокольня, уцелевшая после взры-
ва церкви в селе Воронино Яросла-
вской обл.

Церковь XVII в. в селе
Осоево Ярославской обл.

Церковь конца XVIII — начала XIX в.
с. Краснораменье Ярославской обл.
Интерьер...

Авраамиев монастырь в Ростове Великом. Собор — реставрируется. Введенская церковь — с 1976 г. вытрезвитель

Храм в селе Алешково после взрыва колокольни. Район Ростова Великого Ярославской обл.

Церковь XVII—XVIII вв. в селе
Карачаров Погост, район Росто-
ва Великого Ярославской обл.
Разобрана на кирпичи

Церковь в селе Чуфарово. Район
Ростова Великого Ярославской
обл.

Колокольня храма в селе Угодичи,
район Ростова Великого Ярославской
обл.

Успенская церковь, с. Подсосино близ
Загорска Московской обл.

Никольская церковь (1680), с. Сидоровское Московской обл.

Церковь XVIII в. в селе Иудино
Московской обл.

Церковь Рождественского
монастыря (XVIII в.)
в Ростове Великом

Успенская церковь, с. Закубежье
Московской обл.

Церковь Михаила Архангела
(1778), с. Красное
Владимирской обл.

Покровская церковь (1758), с. Кучки Московской обл.

внутри...

внутри...

Церковь Иоанна Предтечи (1805),
с. Павловское Владимирской обл.
Реставрирована только снаружи

Церковь Ефрема Сирина (1790—1802),
с. Омутское Владимирской обл.

Церковь Знамения (1810), с. Красное
Владимирской обл.

Церковь Введения во Храм (XVIII в.),
с. Дунаевка Владимирской обл.

Церковь Воскресения,
с. Гродня Московской обл.

Церковь XIX века в районе
Ростова Великого

Церковь Космы и Дамиана
(1775) в Ростове Великом

Крестовоздвиженский собор
(1852) Прусенского монастыря,
с. Коломна Московской обл.

Тихвинская церковь (1704),
с. Суходол Владимирской обл.

Внутренний вид

Никольская церковь (1868), с. Боровицы Владимирской обл.

внутри...

Холодный и теплый храмы (XVIII в. — справа, XIX в. — слева) в селе Варницы Ярославской обл.

Церковь Федора Тирона, с. Заполницы Владимирской обл.

Церковь Троицы (1794) в Старом
Быкове Владимирской обл.

фото 1974 г.

Та же церковь — фото 1976 г.
Колокольня сломана

Церковь Ильи Пророка (1760-72),
с. Кожино Владимирской обл.

Церковь Архистратига Михаила
(1799), с. Спасское Владимирск. обл.

Церковь Троицы (1811-28),
с. Карачарово Владимирской обл.

внутри... (вид с первого яруса
колокольни)

Церкви Димитрия Солунского (1863) и Сергия Радонежского (1881), с. Карельская Слободка Владимирской обл.

Церковь Покрова (1814), с. Новое Владимирской обл.

Церковь Казанской Божией Матери, с. Борисово Владимирской обл.

Церковь Троицы (1829), с. Федоровское Владимирской обл.

Церкви Никольская (1750) и Флора и Лавра (1803), с. Кибол Владимирской обл.

Церковь Рождественская (1795), с. Романово Владимирской обл.

Церковь Рождества Богородицы,
с. Минютино Московской обл.

внутри...

Церковь Преображения (1815), с. Поддубье Владимирской обл.

Церковь Крестовоздвижения (1876), с. Вышеславское Владимирской обл.

Церковь Казанской Божией Матери (1796—1805), с. Хомяково Московской обл.

внутри храма...

Церковь Вознесения (1836),
с. Хотенское Владимирской обл.

Церковь начала XIX в.,
с. Леонтьево Владимирской обл.

Церкви Богоявленская (1823) и Зачатьевская (1799, останки справа), с. Гавриловка Владимирской обл.

Церковь Иоанна Крестителя (1825), с. Обращиха Владимирской обл.

Троицкая церковь (1778),
с. Абакумово Владимирской обл.

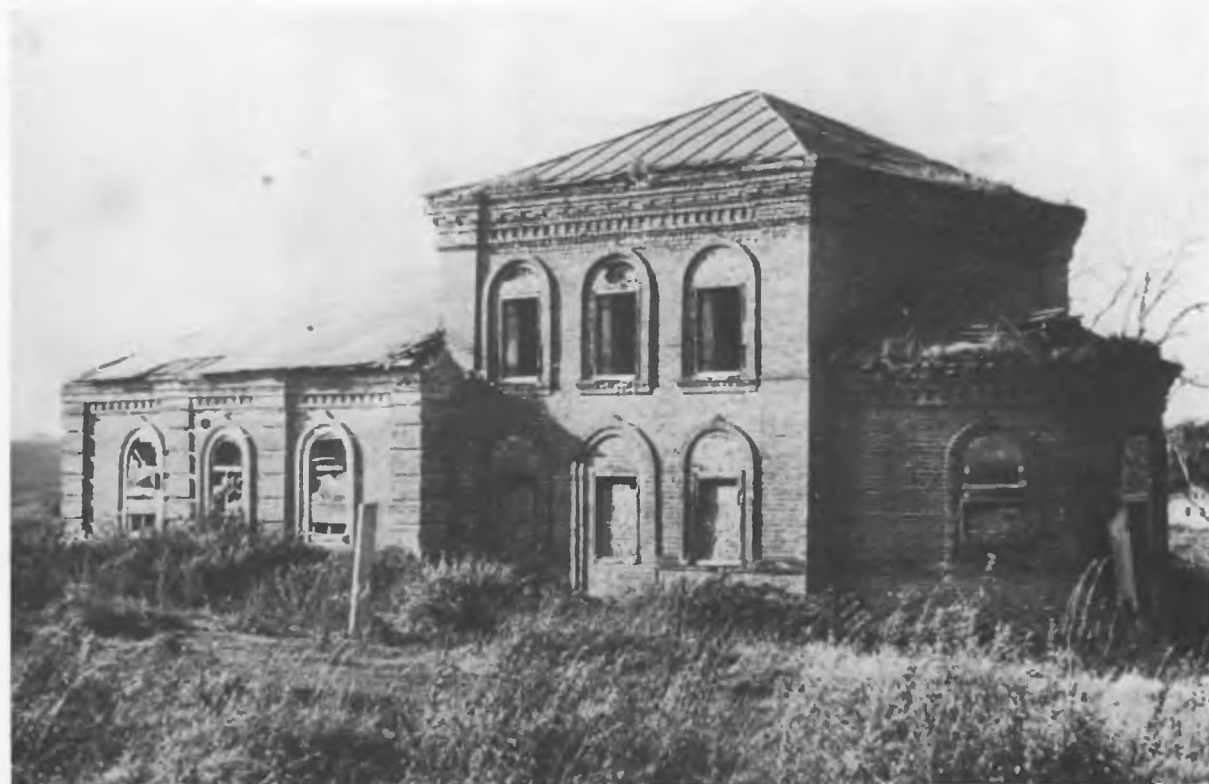

Никольская церковь (1796).
с. Кусуново Владимирской обл.

Церковь Вознесения,
с. Сenniцы Московской обл.

Церковь Воскресенская (1774),
с. Илларионово Владимирск. обл.

Церковь Живоносного Источника (1867), с. Якиманское Владимирской обл.

Церковь Николая Чудотворца (1816), с. Ословское Владимирской обл.

Церковь Флора и Лавра (1890),
с. Суворотское Владимирск. обл.

Церковь Воскресения (1813),
с. Новгородское Владимирской
обл.

Теплая церковь (XIX в.), с. Семеновское Владимирской обл.

Церковь Воскресения (1848), с. Овчуки Владимирской обл.

Церковь Воскресения (1807),
с. Головенцино Владимирск. обл.

Церковь XVIII в., колокольня
XIX в. в селе Семеновское Яро-
славской обл.

Всехсвятская церковь (1808),
с. Малоученское Владимирск. обл.

Церковь Рождества Христова
(1795), с. Мельчанково Владимир-
ской обл.

Никольская церковь (1743), с. Воскресенская Слобода Владимирской обл.

Церковь Знамения (1681—1687), с. Курово Московской обл.

Спасская церковь (1853), с. Деу-
лино Московской обл.

Церковь в селе Даниловская Сло-
бода Московской обл.

Никольская церковь (первая четверть XIX в.), с. Моржины Владимирской обл.

Троицкая церковь (1696), г. Коломна Московской обл.

Церковь Михаила Архангела (конец XIX в.), с. Поджигородово Московской обл.

Церковь Преображения (1838—1892), с. Горницы Владимирской обл.

Церковь Казанской Божией Матери (1672—1680), с. Марково Московской обл.

Церковь Благовещения (1764—1772), с. Даниловское Владимирской обл.

Церковь Михаила Архангела
(1758), с. Абакумово Владимир-
ской обл.

Церковь Рождества Богородицы
(1814—1826), с. Махра Москов-
ской обл.

Церковь Иоанна Богослова (начало XVIII в.), с. Могильцы Московской обл.

Ильинская церковь (XVI в.), с. Прусы Московской обл.

Тихвинская церковь (1753),
с. Титовское Московской обл.

Церковь Михаила Архангела (ко-
нец XVIII в.), с. Остафьево Мос-
ковской обл.

Покровская церковь (1810—1847),
Московская обл.

Церковь Воскресенская (1808),
с. Захарьино Московской обл.

Церковь (1895) в селе Ахтырка
Московской обл.

Усадебная Спасская церковь
(1765—1783). Арх. Казаков.
Усадьба Рай-Семеновская Мос-
ковской обл.

Никольская церковь, с. Никуль-
ское Московской обл.

Троицкая церковь (XVIII—XIX в.),
с. Новошапово Московской обл.

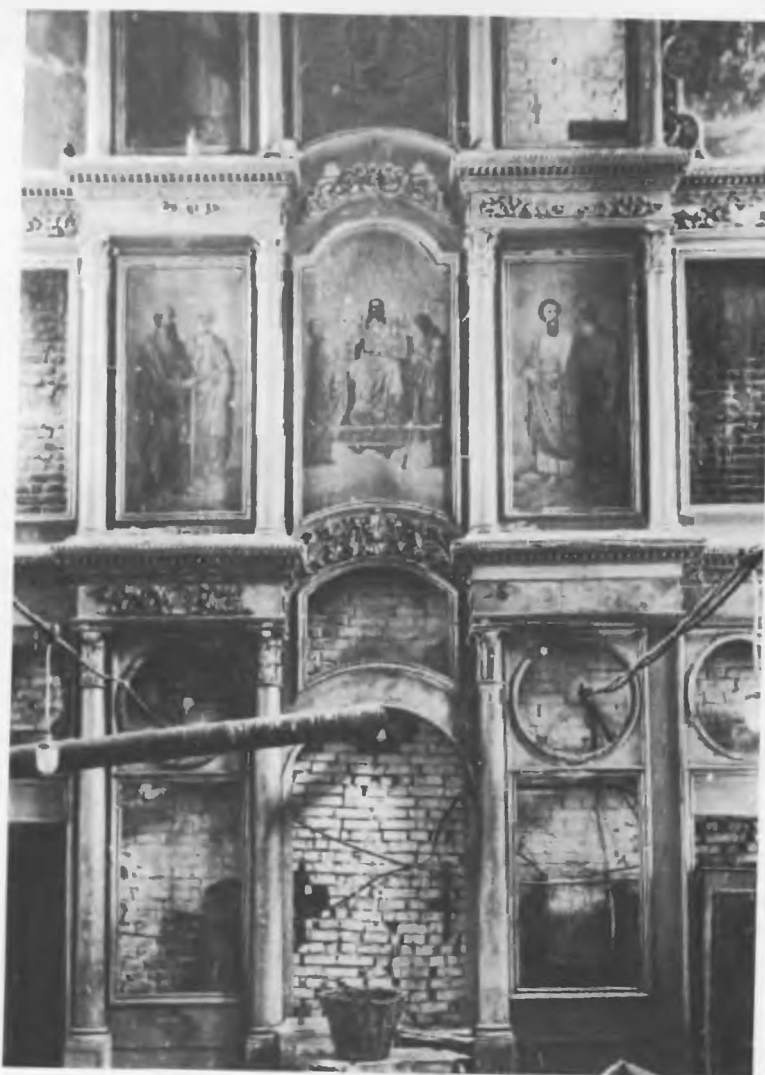
Покровская церковь (1756), с. Заболотье Московск. обл.

Казанская церковь, с. Кленково Московской обл.

Воскресенская церковь, с. Тархово Московской обл.

Иконостас

Церковь Богоявления, с. Парфеново
Московской обл.

Церковь Казанской Божией Мате-
ри (1825), с. Гачино Московской обл.

Церковь XVIII в. в селе Семеновское Московской обл.
Фото 1960 г. Церковь погибла в начале 1970 г. при переносе в музей народного зодчества

Церковь Троицы (1735),
с. Ельдино Московской обл.

Церковь в селе Васильевское Московской обл.

Церковь Благовещения (конец XVII в.), с. Благовещение Московской обл.

Троицкая церковь (начало XVIII в.), с. Конобеево Московской обл.

Церковь Св. Духа Утешителя (1860—1861) в Параклитовой пустыни, пос. «Смена» Московской обл.

Церковь Рождества Богородицы,
с. Богородское Московской обл.

Майоликовая церковь (1917) (не успели освятить, без имени). Церковь превращена в жилой дом

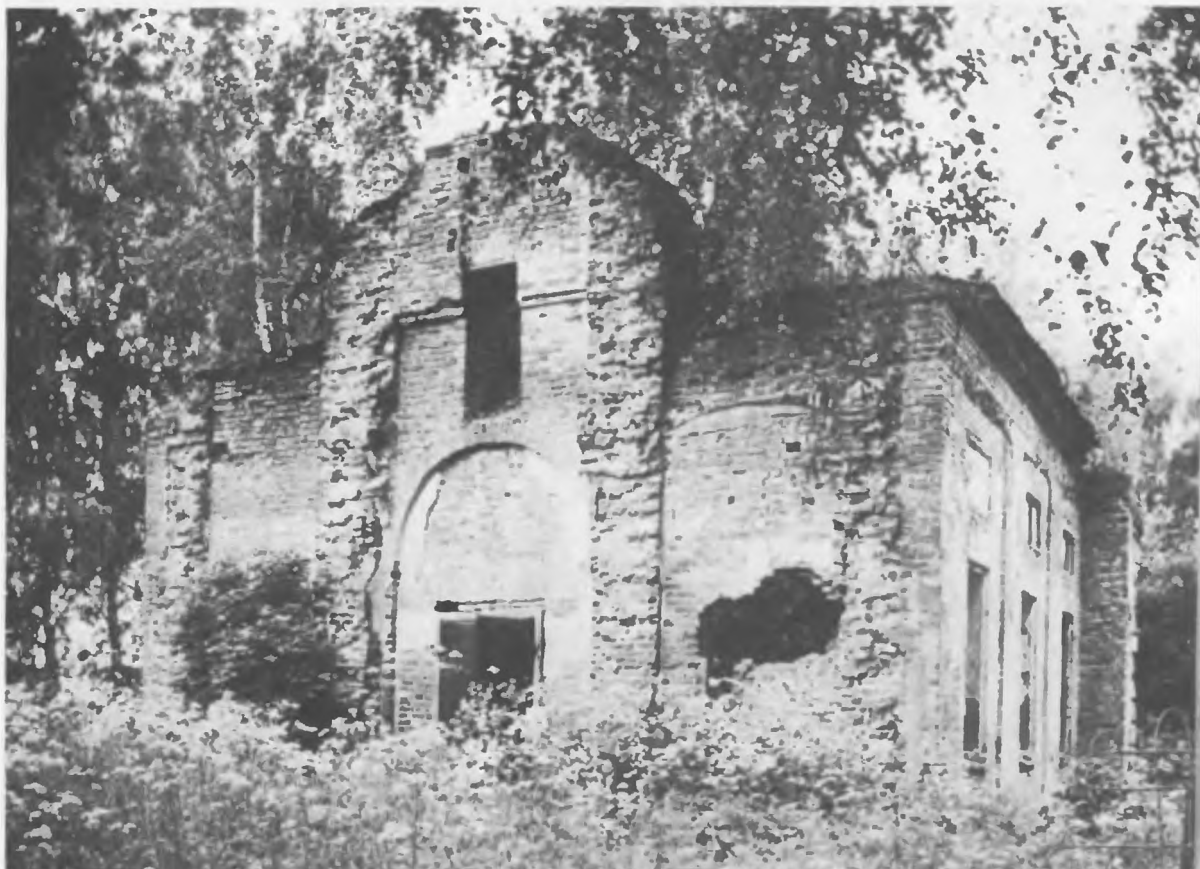
Сретенская церковь (1690),
с. Константиново Московской
обл.

Церковь (1756) в подмосковной усадьбе Глинки д. Брюса

Никольская церковь (1803), с. Стогово Московской обл.

Церковь Димитрия Солунского,
с. Яковлевское Московской обл.

Покровский Хотьковский монастырь, с. Хотьково Московской обл.

Церковь Обновления Храма Воскресения (1799), с. Хребтово Московской обл.

Собор Вознесения (справа) (XVI—XVII вв.). Церковь св. Николая в Давидовой пустыни (XVII—XVIII вв.). Памятник А. П. Чехову

Покровская церковь (1811), с. Горошково Московской обл.

Казанская церковь (нач. XIX в.), с. Ратислово Владимирской обл.

Церковь Воскресения (XIV в., перестроена в XVIII в.), г. Коломна Московской обл.
Теперешний вид...

Никольская церковь (1778—1802), с. Семеновское-Отрада Московской обл.

Сергиевская церковь, с. Маргусово Московской обл.

Георгиевская церковь (1839), с. Алешино Московской обл.

Тихвинская церковь, с. Внуково Московской обл.

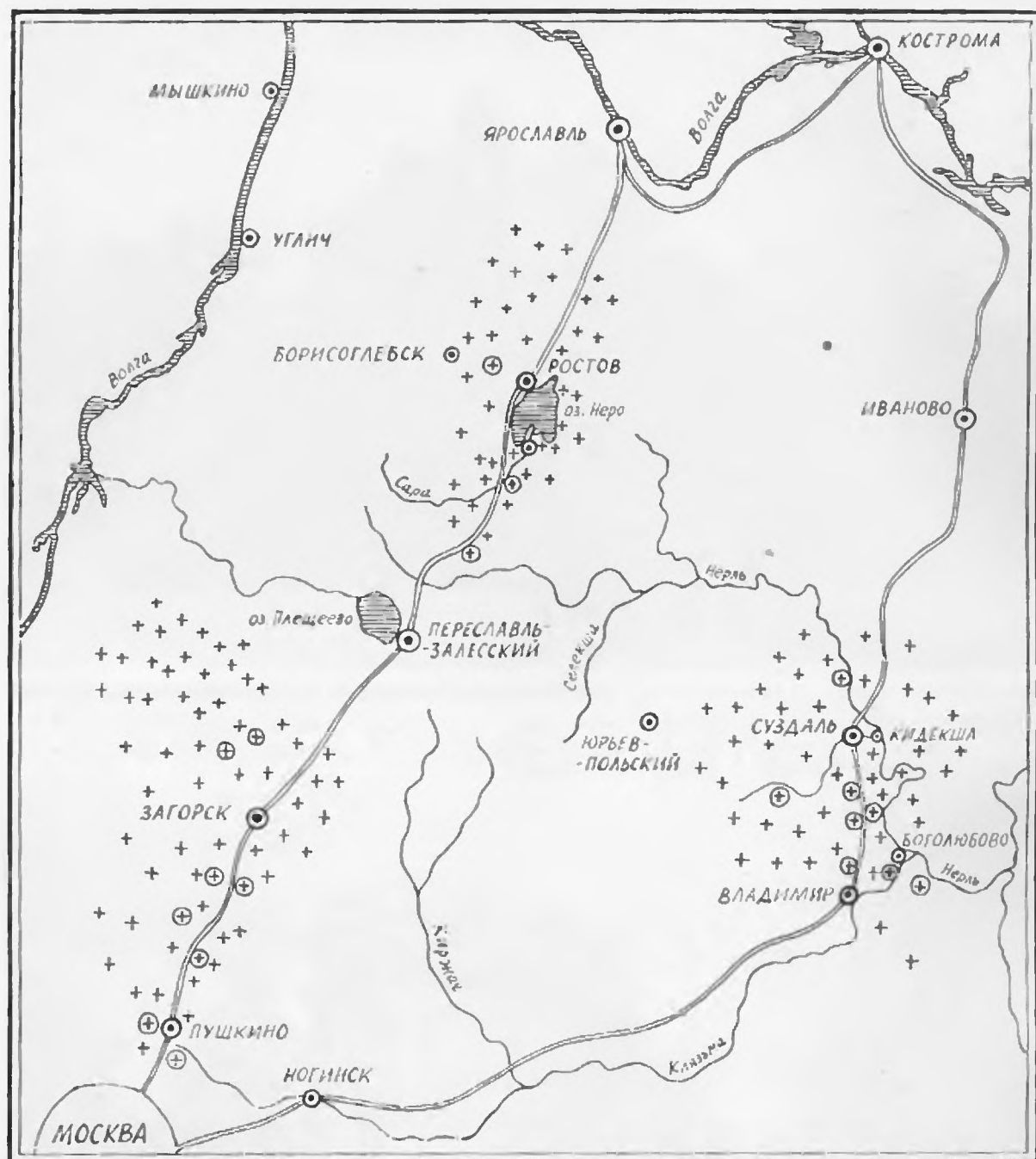

Церковь Рождества Христова, с. Рождество Владимирской обл. Описана А. Солженицыным в «Бодался теленок с дубом», с. 213.

Двухпрестольный храм Пантелеймона Мученика (внизу) и Божией Матери «Утоли моя печали» при сиротском приюте Богоявленского монастыря в селе Марфино близ Москвы. После 1945 года — «Шарашка» (НИИ МГБ), описанная в романе А. Солженицына «В круге первом»

Храмы в районах Загорска, Суздаля, Ростова Великого

+ храмы, стоящие в руинах

⊕ храмы в относительном порядке (реставрированные либо действующие)

⊙ города, где уцелевшие храмы в относительном порядке

Общие цифры по этим районам: от Москвы до Загорска и вокруг Загорска — 60 в руинах, вокруг Суздаля — более 40, вокруг Ростова Великого — около 40

МОСКВА

ХРАМ ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ

Храм Христа Спасителя и — справа — церковь Похвалы Пресвятой Богородицы в Башмаках (XVII в.), уничтожена в 1931 году

Перед взрывом...

Храм Христа Спасителя строился по проекту акад. К. Тона с 1839 по 1880 год на месте бывшего Алексеевского монастыря, сожженного французами в 1812 году. Храм строили «в память избавления России от галлов и с ними двенадцати языков, приведенных Наполеоном»
Взорван в 1931 году

Перед взрывом...

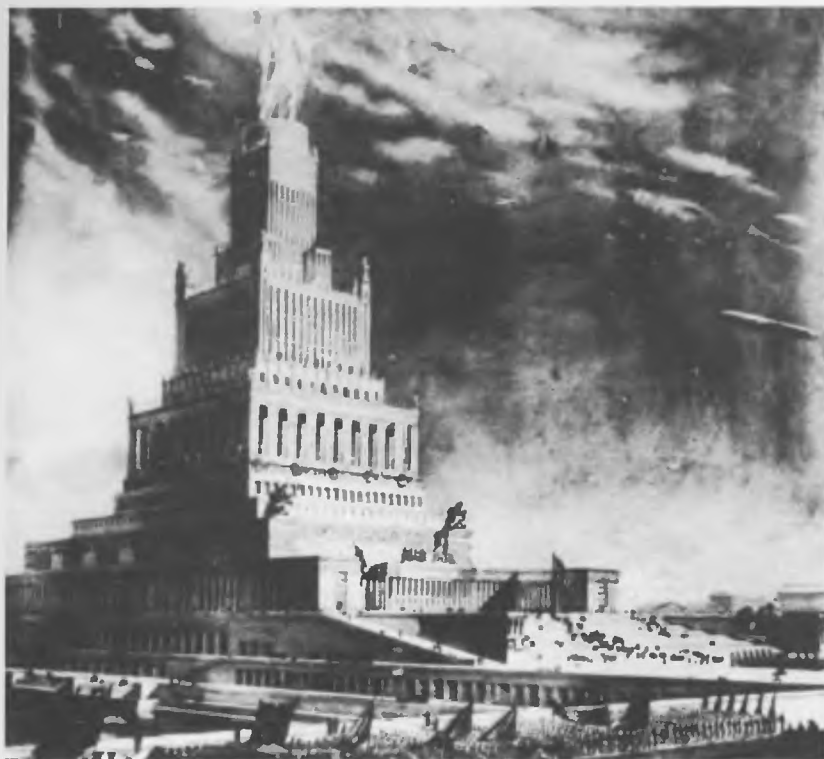

Перед взрывом...

После взрыва...

Проект Дворца Советов, но... не попустил Господь!

Место Храма Христа Спасителя

Плавательный бассейн «Москва»

Казанский собор (1630) на Красной площади

Место Казанского собора...

Церковь св. Георгия на Крас-
ной Горке (XVII в.)

Место церкви св. Георгия —
здание ВАО «Интурист»

Церковь Николая Яв-
ленного на Арбате
(XVII в.)

Место церкви Николая
Явленного — пустырь
— Арбат, 16

Церковь Рождества
Христов (XVI —
XVII вв.) в Кудрине

Место церкви Рожде-
ства Христова — те-
атр Киноактера

Церковь Воздвижения (XVIII в.)

Место церкви Воздвижения — пустырь
— ул. Калинина

Церковь Николы в Столпах
(начало XVII в.) в Армянском
переулке

Место церкви Николы в Стол-
пах — школа

Церковь Николая
Стрельцкого
(XVII в.) на Зна-
менке

Место церкви Ни-
колы Стрельцкого
— сквер, угол Вол-
хонки

Церковь Преображения (1746) в селе Преображенском

Место церкви Преображения — пустырь

Церковь св. Евпла (1657) на
Мясницкой

Место церкви св. Евпла —
пустырь, ул. Кирова

Церковь Параскевы Пятницы (XVII в.) в Охотном ряду

Место церкви Параскевы Пятницы — Госплан

Церковь Грузинской Божией Матери на Воронцовом поле

Место, на котором она стояла

Церковь Троицы в Сыро-
мятинках (1600)

Место церкви Троицы в Сы-
ромятинках — поликлиника
и сквер

Церковь Пимена Великого
(XVIII в.)

Место церкви Пимена Ве-
ликого — жилой дом

Даниловский мо-
настырь в начале
века

Даниловский мо-
настырь в наши
дни — тюрьма
для несовершенно-
летних преступ-
ников (фото
1954 г.)

Чудов монастырь в Кремле
(XVI в.) — разрушен в 1928 г.

Церковь Благовещения Пресв.
Богородицы в Кремле (XVI —
XVIII вв.) — разрушена в 1928 г.

Церковь свв. Константина и Елены в Кремле (1651) — разрушена в 1928 г.

Вознесенский монастырь в Кремле (XIV в.) — разрушен в 1928 г.

Церковь Спаса на Бору в Кремле (начало XIV в.) — разрушена в 1928 г.

Церковь Николы Большой Крест (XVII в.) — разрушена

Страстной монастырь (XVII в.) — разрушен

Церковь на Ходынке (XIX в.) — разрушена

Храм Богоявления — разрушен вместе с Китай-городской стеной

Зачатьевский монастырь (XVII— XIX вв.) — разрушен

Церковь Сергия чудотворца в
Пушкарях (1684) — разрушена

Церковь Трех Святителей у
Красных ворот (XVII в.) —
разрушена

Церковь Благовещения Божией
Матери на Бережках близ
Плющихи (XVII в.) — разру-
шена

Церковь Троицы на Капельках
(1719) — разрушена

Церковь Введения (XVII в.) — разрушена

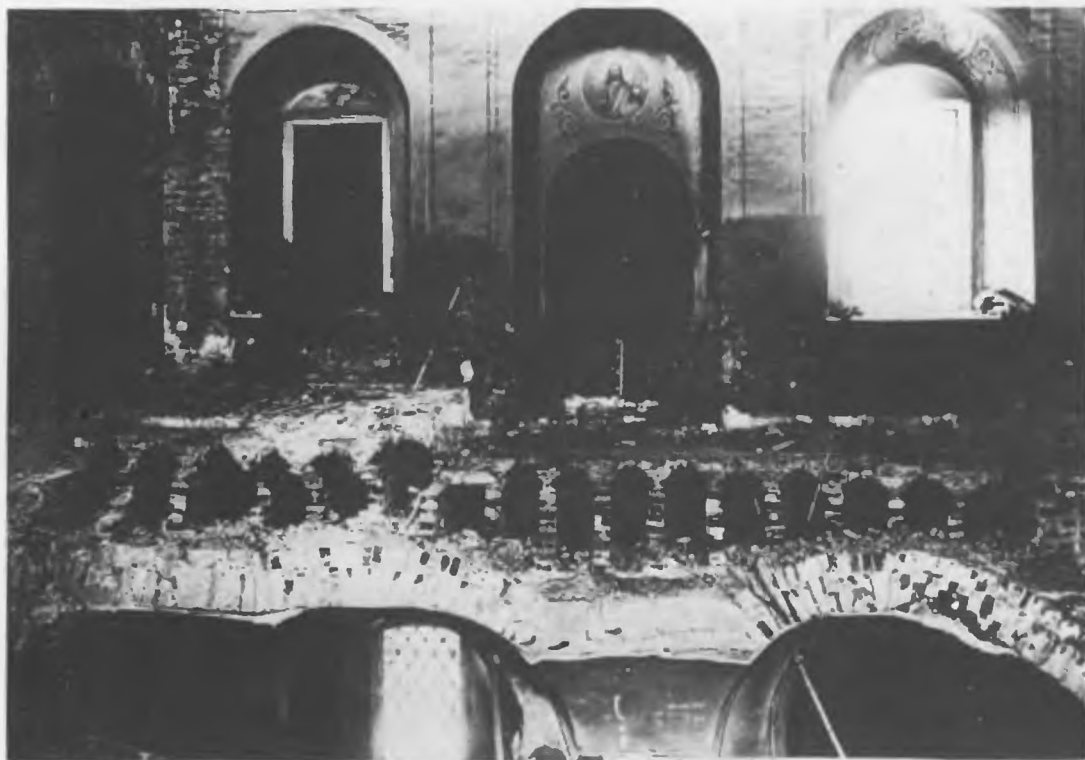

Церковь Успения Пресвятой Богородицы (1699) на Покровке. Вдали — церковь Троицы на Грязях — тоже разрушена

внутри...

Всё разрушено (1926)

Церковь Владимирской Богоматери (XVIII в.)
было так...

1936 г., затем...

теперь...

Церковь Николая в Мясниках (XIV—XVIII вв.)
В начале века...

1928 г. ... Для застройки по проекту Корбюзье

построили здание ЦСУ

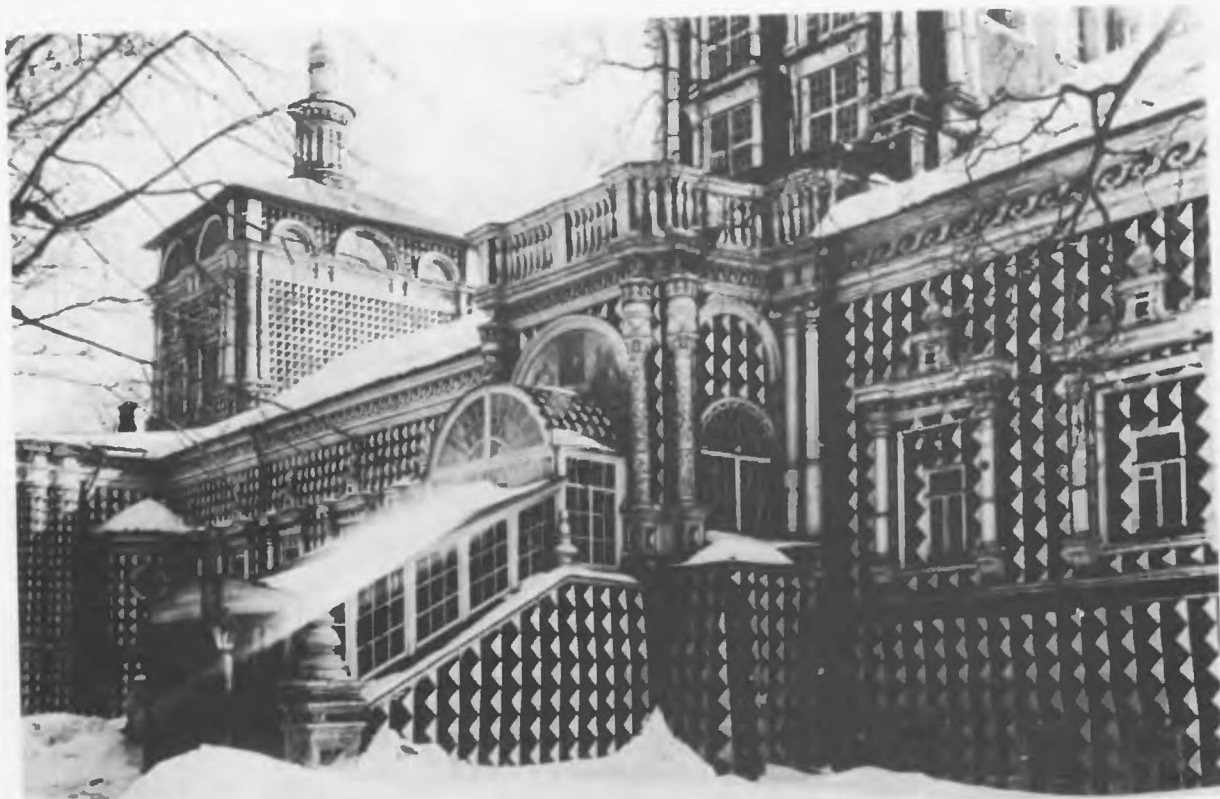
Церковь Петра и Павла в Петровском-Разумовском (1692)

1934 г. ... начали преобразовать
храм снаружи...

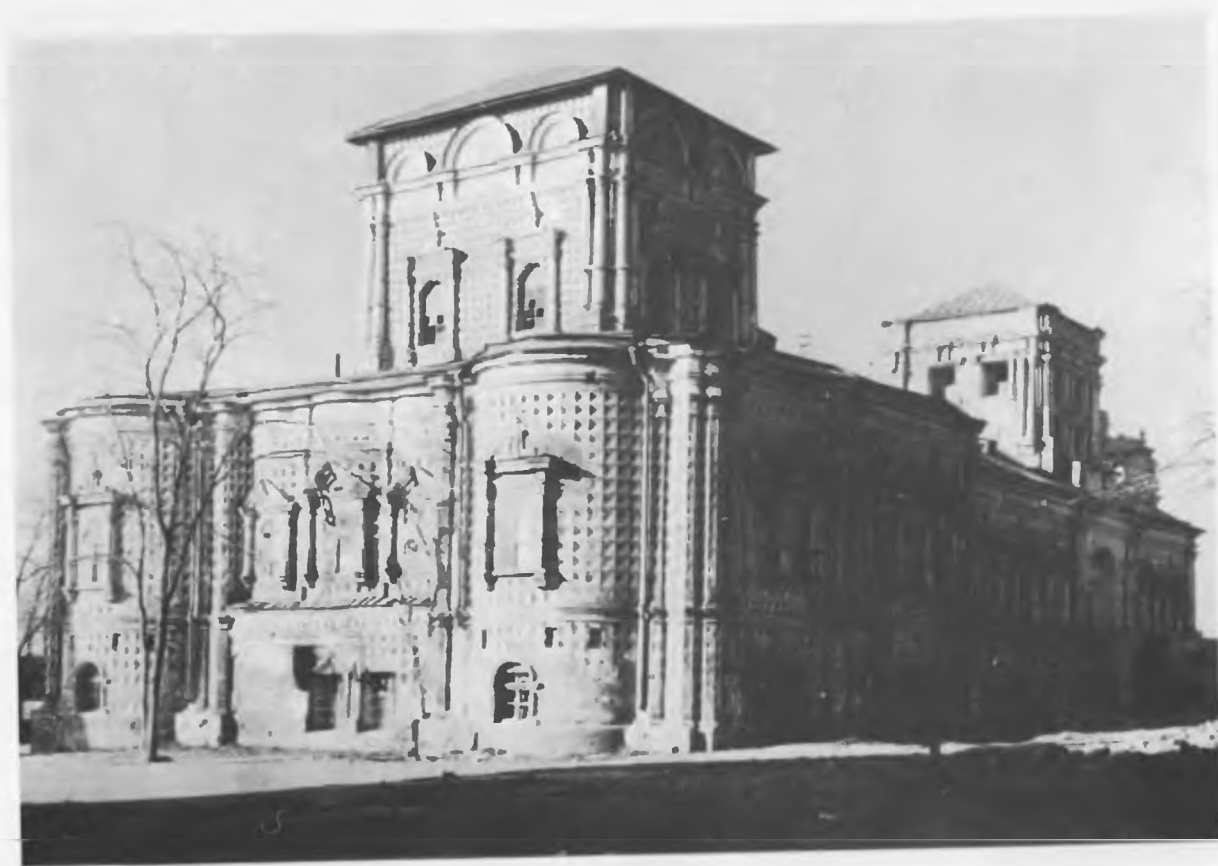
Внутри... — винный магазин

Трапезная Симонова монастыря (XVII в.)

1970 годы ... Фабрика рыболовных крючков

ПРЕДЕЛЫ ВАНДАЛИЗМА

К истории российских храмов в XX веке

«НАЧИНАЕТСЯ ЗЕМЛЯ, КАК ИЗВЕСТНО...»

«Весной 1936 года меня вызвали в одно высокое учреждение и предложили срочно заняться новой работой — обмерить и составить смету на снос храма Покрова-на-рву (настоящее название храма Василия Блаженного)...

— Принято решение о разборке церкви, — сказали мне, — она мешает автомобильному движению через Красную площадь.

— Это безумие! Безумие и преступление одновременно! Я ничего для сноса делать не стану, а снесете — покончу с собой...»

Сейчас ему восемьдесят шесть лет, архитектору Барановскому, патриарху русской архитектурной реставрации. Он почти ничего не видит, он заметно сдал в последнее время, особенно с тех пор, как потерял жену, но в темноватой квартирке в корпусе бывшего Новодевичьего монастыря, голос его разносится энергично, уверенно. Он говорит — «Я умираю». — И поправляется — «Я готовлюсь умирать». Историю о сносе Василия Блаженного, уже ставшую мрачной легендой, Барановский повторяет решительно и твердо, будто диктует завешание*.

Блаженный, как известно, уцелел, а Петр Дмитриевич Барановский отправленный прямо из «высокого учреждения» в тюрьму, во время редких свиданий с женой, первым делом спрашивал:

— Ну, что — стоит?

— Стоит, Петя. не сносят...

Только после этого Барановский брался за принесенные домашние харчи. Блаженный уцелел. Оказалась судьба благосклонной и к Петру Дмитриевичу: через полгода его выпустили из тюрьмы.

«Блаженный не снесли, потому что американцы предложили за несколько миллионов купить храм, чтобы перевезти его в Штаты». Бродячее это мнение Барановский считает вымыслом. Прежде всего потому, что невероятно, чтобы в Москве 1936 года иностранцы могли что-то узнать о сносе церкви до того момента, когда её уже начали ломать**.

К тому времени, когда Барановского вызвали в НКВД, в Кремле и на Красной площади уже взорвали и снесли 9 церквей и соборов из 18 существовавших.

* История эта мелькнула в советской печати в статье В. Пескова («Комсомольская правда», 4 июля 1965 г.).

** Почему всё же Блаженный уцелел? Никто из архитекторов не слышал, чтобы «вверху» решили — «нет, не надо ломать». Наиболее вероятным представляется, что Сталин и его ближайшие забыли о своей идее сноса, а чиновники не решились напомнить. И в том, что не решались, возможно, большую роль сыграл бескомпромиссный, редчайший по тем временам, протест Барановского.

В конце 40-х Сталин обронил как-то фразу, мол, набережные Москва-реки данно в граните, а Кремль — кирпичный. Комендант Кремля срочно вызвал архитекторов и приказал «олегь наш Кремль в гранит и мрамор». Но когда те представили смету на много десятков миллионов, дело заглохло. Понятно: прямого приказа Сталин не давал, а самолично войти к нему с предложением потратить огромную сумму на мраморный Кремль — неизвестно, чем бы это кончилось... Нечто подобное могло произойти раньше и с Блаженным...

В их числе знаменитый Чудов монастырь, основанный в XIV веке после чудесного исцеления митрополитом Алексием любимой жены ордынского хана от слепоты. На подаренные ханом деньги и был построен Чудов, ставший важнейшим «рассадником» грамотности, книжности, вообще культуры на Руси.

Взорвали его в 1928 году.

Вместе с Чудовым уничтожили и соседний, основанный также в XIV в., Воскресенский монастырь. На месте обоих поставили здание Высшей партийной школы. (Позже её переделали в Кремлевский театр, а ныне там работает Президиум Верховного совета СССР.)

Один русский историк писал в те годы своему другу-профессору в Харбин: «Когда в Кремле ломали храм Спаса на Бору, древнейший из храмов Москвы, я сидел рядом на бревнах и плакал. Я чувствовал себя римлянином времен, когда варвары разрушали античный Рим».

Заодно с церквями в Кремле снесли и Красное крыльцо XVII века, а белые львы, лежавшие у Грановитой палаты, пошли на бутовый камень...

За два года до появления идеи снести Блаженный, в 1934 году в «Генеральном плане реконструкции Москвы» черным по белому было записано: «Схема плана отвергает слепое преклонение перед стариной... однако предполагает сохранить всё наиболее ценное в историческом и художественном отношении: Кремль, бывший храм Василия Блаженного и т. п.»

Однако к 1934 году с Красной площади уже исчез стоявший по диагонали от Блаженного Казанский собор с высокой колокольней. А построен собор был князем Пожарским в память освобождения России от поляков в начале XVII века. Сюда поместили чудотворную икону Казанской Богоматери, с которой воины Пожарского и Минина шли на битвы. В 1812 году, оставляя Москву, Кутузов вошел в собор, взял икону на грудь под шинель и так вывез её.

Теперь на месте собора — напротив входа в ГУМ — устроен подземный туалет и посажены ели*.

Не стало и стоявшей рядом — в проезде меж Историческим музеем и нынешним Музеем В. И. Ленина — Иверской часовни, где хранилась знаменитая икона Иверской Богоматери. А в Воскресенских воротах, над которыми находилась часовня, прежде помещалась первая в Москве типография Московского университета.

Всего же по столице к середине тридцатых сметено было с лица земли около 150 храмов (большинство из них в центре города и потому, в основном, древние). В заводские цеха, склады, клубы, учреждения, общежития, тюрьмы и т. н. превратились около 300 церквей...

До 1917 года в Москве насчитывалось примерно 520 православных храмов и всех их купола и маковки колоколен составляли знаменитые московские «сорок сороков».

* Туалетов, созданных на месте церквей и часовен, в Москве насчитывалось более 20. В последние годы число их несколько сократилось, но они остаются на таких известных местах, как сквер за памятником Лермонтову (на месте церкви Трех Святителей) и в часовне монастыря на Таганской улице, 52.

Вместе с церквями в Москве сносили и другие памятники старины. Снесли Красные ворота и знаменитую Сухареву башню, на верху которой, правда, когда-то была часовня, но крошечная. В десятых годах башня стала Музеем коммунального хозяйства и тем не менее её снесли и самые рьяные её защитники, в их числе известный реставратор профессор Сычев, отправились на Соловки. Никто из них оттуда не вернулся, так что можно считать, Барановскому с Блаженным повезло во всех отношениях...

Пройдемся теперь мимо Блаженного, прогуляемся по Кремлю — всюду чистота, порядок совершенный. Посетители чинно гуляют по прочерченным для них дорожкам, купола церквей сияют золотом — даже те, что никогда в прошлом не были золотыми. Всё так ухожено, что зелень в кремлевских парках распускается и цветы начинают благоухать на неделю раньше, чем всюду в Москве. Что ж, Кремль и Василий Блаженный в наши дни — символ, эмблема и, по крайней мере для заграницы, — второй государственный герб СССР.

Конечно, приглядевшись, замечаешь явно лакировочные тенденции: кирпичные кремлевские стены красят особой краской, а поверх наносят кирпичный узор, чтобы выглядели они монолитно, мощно... (Красят, потому что заменить искрошившиеся кирпичи точно такими же, как старинные, можно, но страшно сложно для наших производственных условий, поэтому заменяют современными, от этого нестрота, разномастность стен и башен, и чтоб не было её — всё закрашивают.) Заинтересовавшись яркими красками на фресках Успенского и других соборов, узнаешь, что яркость эта от полимеров, которые сейчас придают свежесть тонам, но сильно увеличивают риск гибели фресок лет через двадцать-тридцать... От реставраторов узнаешь, что многое в их работе не «стыкуется» с исторической и эстетической достоверностью... А из сравнения новейших путеводителей с дореволюционными — что та литургическая и иная церковная утварь, которую сейчас демонстрируют в музеях Кремля, лишь малая часть сокровищ, существовавших тут до 1917 года*. И уж само собой разумеется, что все церкви закрыты для служб, а одна — Воскресения Лазаря, где в 1862 году венчался Лев Толстой, — и для посетителей...

Однако можно утверждать, что ценнейшие соборы Кремля и Блаженный уцелели и теперь вне всякой опасности, пусть власть и сохраняет их со своими корыстными целями.

Да, сохраняет, но тезис о том, что теперь всё в порядке, будет убедителен лишь до тех пор, пока мы не зададим вопроса — кто является хранителем Кремля теперь?.. Оказывается — комендатура, входящая в состав 9-го Управления КГБ. Разумеется, существуют и главный архитектор и главный художник Кремля, но подчиняются они комендатуре, которая финансирует всю реставрацию. Реставраторы Кремля не знают недостатка в средствах, но влияние начальства явственно сказывается в тех

* Часть огромной контрибуции Германии по Брестскому миру была выплачена церковным имуществом Успенского и других соборов Кремля. Бесценные золотые потиры, украшенные бриллиантами, вклады Годунова и Грозного, насколько можно судить по соответствующим записям, шли на вес. Например: «потир — 7 фунтов золота, бриллианты — 170 каратов...» без упоминания иных качеств.

тенденциях, о которых мы уже упоминали: в предпочтении броской и яркой химии, которая делает из Кремля и соборов «новенькие монетки», в изгнании духа истории, от которого, упаси Бог, кое-что может показаться дряхлым, ветхим...

Комендатура Кремля не пря сплывает среди реставраторов самым богатым, но и самым «трудным» заказчиком, который, отпуская деньги, точно знает — что такое красиво и как надо, а как не надо... Впрочем, дело не столько в генералах, которые определяют стиль и методы реставрации, сколько в общем положении вещей. Без сомнения, правительственный Кремль, мавзолей нуждаются в охране, но не вмешивается же 9-е Управление КГБ в решения Президиума Верховного совета, который заседает на опекаемой им территории? А вот о сохранении памятников нашей истории и культуры госбезопасность почему-то ралсет неотступно...

Из восемнадцати соборов Кремля и Красной площади осталось девять... Примерно такова же доля — от трети до половины — храмов, уничтоженных по всей Москве и в большинстве древних городов России. Рязань, Коломна, Дмитров, Александров, Переславль-Залесский, Владимир, Кострома... Кое-где и выше половины — Иванов, Серпухов, Пермь, Горький...

Уцелевшие храмы отреставрированы и сохраняются в порядке — и эта кремлевская черта характерна для современного положения храмов по всей Руси. Правда, главнейшая из современных угроз уцелевшим церквям — бесхозяйственность, которая обращает их в руины не в результате антирелигиозных кампаний, не целенаправленно, а походя, между прочим, — эта особенность не имеет аналогий в Кремле. Но «начинается земля, как известно, от Кремля»? Земля — не земля, а история, или уж во всяком случае наши порядки, — точно, начинаются в Кремле.

А развиваются — в Москве...

ПУТЕШЕСТВИЯ ПО МОСКВЕ

Храм Христа-Спасителя стоял рядом с Кремлем, на том же берегу Москва-реки, но не на холмах, а ниже, в пойме.

Храм был взорван осенью 1931 года. Руководил взрывными работами инженер Ж.

«Родился в семье крестьянина Рязанской губернии, Скопинского уезда. В свободное от крестьянских работ время трудился на шахтах. В советское время был послан на курсы шахтеров, затем на рабфак и в Ленинградский горный институт. В 1930 году оказался в Москве. Незнакомая работа экономиста не нравилась, хотел уехать на родину на шахты, но как завербованного и получавшего особую хозстипендию, не отпускали со службы. Случайно встретил на улице инженера, которого знал по рабфаку, он уговорил перейти к нему в «Союзвзрывпром», где он был главным инженером. Через полгода начались работы на храме Христа-Спасителя. Два старых инженера отказались взрывать храм и вместо них Ж. поставили руководить работами по взрыву.

После Христа-Спасителя взрывал ещё церковь в Кремле (названия не помнит) и собор в городе Шуя на Волге, очень, по словам Ж., красивый...».

Таковы главнейшие моменты биографии Ж., записанные с его слов. Он жив до сих пор, живет в Москве, фамилия его... похожа на Кусалкин. Мы намеренно изменили её, ибо не его запомнить надо, а имена тех двух, что отказались взрывать. Два старых опытных инженера не смогли поднять руку на храм, который строила вся Россия в течение сорока лет, и навсегда исчезли из «Союзвзрывпрома» и, вероятно, вскоре и из мира сего в одном из лагерей Архипелага. И имен их уже не найти — просто два старых инженера...

Когда и с чего «оно» началось? Храм Христа-Спасителя, на месте которого должен был вырасти невероятный Дворец Советов, был далеко не первым из уничтоженных в Москве храмов. Но он был самым большим и знаменитым, и время сделало своё: теперь Христос-Спаситель кажется первой и наибольшей из утрат православной старины в Москве, а многие десятки других уничтоженных и изуродованных воспринимаются как шлейф за взрывом Христа-Спасителя.

Немало архитекторов и историков искусства считали храм вторичным и ставили много ниже других московских церквей. Однако никто не подвергал сомнению то, что храм — выдающийся образец инженерного и художественно-прикладного искусства. Точно также несомненно, что к началу XX века он стал самым популярным в народе храмом*, а с архитектурной точки

* Через 60 лет после посещения храма Христа-Спасителя пожилой крестьянин из Ярославской области вспоминал: «Кто попадал в Москву, первым делом, конечно, считалось сходить к Христу-Спасителю. Как сейчас в Большой театр или на ВДНХ. А я тем более попал в Москву в четырнадцатом году, военнослужащим, так что при первом же увольнении пошел. До сих пор помню всю кривоту, все мраморные доски с героями 1812 года...».

зрения был вторым после Кремля центром в панораме старой Москвы. Есть ли сейчас смысл вести какие-либо споры о былой ценности храма? Мы предоставляем читателю по собранным фотографиям и фактам самому судить о Христе-Спасителе и о значении его уничтожения.

Храм Христа-Спасителя строился по проекту академика К. Топа с 1839 по 1880 год на месте бывшего Алексеевского монастыря, сожженного французами зимой 1812 года, «в память избавления России от галлов и с ними двунадесяти языков, приведенных Наполеоном». (Первоначально по проекту Витберга храм предполагалось построить на Воробьевых горах.)

На мраморных досках внутри храма перечислялись все полки, участвовавшие в Отечественной войне, и все их потери. На особой доске были выбиты слова Александра II, открывавшего храм: «Да будет сей храм стоять века, вознося славу русскому народу».

Храм вмещал 10-12 тысяч человек. (Для сравнения: площадь храма была 6700 м², высота — 103 м. Площадь Большого театра — примерно 4000 м², высота — 60 м.) Храм обошелся в 15123163 рубля 89 копеек, часть из которых была собрана по всей Руси; другую часть внесла казна. На купола ушло 25,8 пуда золота (422 кг), стены были выложены лучшими сортами мрамора, порфирита и лабрадора. Снаружи храм опоясывали мраморные горельефы работы Клодта, Логиновского, Рамазанова. Внутри храм расписали Марков, Бруни, Вик, Васенцов, Маковский, Верещагин, Семиградский.

«В августе 1931-го мы закладывали шурфы внутри храма через 2-2,5 метра на глубину 70-80 сантиметров и забивали аммоном. В моем распоряжении было 5-6 рабочих и прораб. Расчет был, чтобы взрыв направить внутрь храма, оставив тонкую оболочку, которая рухнет под тяжестью купола...» — вспоминает Кусалкин. И далее: «Работали дня четыре. Приезжал главный инженер «Союзвзрывпрома», как проверяющий, нашел, что всё в порядке. Накануне взрыва выселили всех жильцов из ближних домов и расставили милиционеров на улицах от случайных прохожих. В будке возле Каменного моста я включил рубильник в два часа ночи. Раздался взрыв, но купол не упал, хотя все шурфы сработали. Пришлось взрыв повторять через несколько дней, опять ночью, после чего купол упал».

О строительстве храма остались лишь сухие данные, да ещё некоторые, тоже сухие, упоминания в мемуарах современников. Зато весь процесс уничтожения снимался на киноплёнку этап за этапом. В тридцатиминутной киноленте показано как:

— Весной сооружается забор вокруг храма, впечатляющего своими размерами и великолепием снаружи и внутри.

— Идет опись церковной утвари и одежды, оставшейся в ризнице после конфискации прежних лет. Затем — снимают наиболее ценные картины, мраморные доски и разбирают облицовку на порталах, на внутренних и наружных стенах. Снимают скульптуры горельефов... (Три сцены из более, чем двадцати сохранились в Музее архитектуры в Донском монастыре.)

— По построенным шатким лесам рабочие взбираются на купол и снимают листы позолоченной обшивки*. Им помогают люди изнутри. Обнажившаяся металлическая арматура поражает своим ажурным изяществом и размерами.

— Внутри храма в это время скалывают фреску... (Вероятно, для закладывания очередного шурфа со взрывчаткой...)

— Взрыв... Он напоминает взрывы зланий в кинохронике второй мировой войны. В рассветных сумерках стены храма рушатся и облако пыли, набухая, заполняет всё пространство от Кремля до нынешней улицы Дмитрова...

— Повторный взрыв: стоявший в руинах купол падает... Огромное облако пыли, наконец, оседает и зрелище колоссальной груды обломков и мусора — результат четырехмесячного упорного труда десятков людей — поражает более, чем сами взрывы и ломание стен и купола. Гора эта превосходила все окрестные дома и могла состязаться в объеме и высоте лишь с холмами, на которых неподалеку стоит Кремль...

(Кусалкин и его подчиненные, худо-бедно сделав своё дело, ушли, и оказалось, что выполнена лишь самая простая и, так сказать, приятная часть работы. Как разобрать гору обломков, засыпанных слоем пыли?)

— Вручную, впрягшись бечевой, оборванные люди растаскивают крупные куски гранита... (Время — ноябрь-декабрь, холодно, промозгло и летнее скалывание по сравнению с этим — приятная забава.)

— Зима, всё в снегу. Вокруг горы — круговая линия трамвая и отряды солдат в защитных очках откапывают и грузят на открытые платформы трамвая камни и мусор...

— Зима. Начинают ломать соседнюю с Христом-Спасителем церковь Похвалы Пресвятой Богородицы в Башмаках (XVII в.). Тут обошлось без аммонала, старые кирпичи подлавились и ударам лома...

— Снова весна... Сотни людей — уже гражданских и без очков — разбирают заметно уменьшившуюся гору... Каждый день на протяжении полугода московские служащие, студенты, рабочие приходили сюда на «добровольные» «воскресники» и «субботники».

— Осень 1932 года... «Штурм» храма окончен. На территории, огороженной забором, остались небольшие кучи мусора и меж ними устанавливают вышки для бурения грунта под фундамент Дворца Советов...

(Даже несмонтированная, немая пленка, материал, снятый, как говорят кинематографисты, «от нуля», поражает болью, которую ощущает оператор, присутствуя при бессмысленном уничтожении замечательных творений. Почему же вообще был снят этот материал? Другие московские церкви только фотогра-

* В гальваническом цеху подмосковного завода им. Менжинского в тридцатые годы наладили новый вид «золотодобычи». Золото смывали в основном с листов обшивки куполов церквей, но иногда и с церковной утвари. 422 кг дал только купол храма Христа-Спасителя, всего же с московских церквей «намыли» несколько тонн золота. Сейчас в год реставраторы Москвы, Ленинграда, Владимира, Ярославля используют на позолоту 10-12 куполов не больше 100 кг золота. То есть нужно лет 20-30, чтобы государство вернуло золото, снятое только с одних московских храмов.

фировали перед сносом, но, вероятно, для кинопропаганды невероятного Дворца Советов решили накопить побольше материала. С Дворцом ничего не вышло, и пленки этой не видел никто, даже сами операторы. Она пролежала в сейфах до самой смерти Сталина, затем кое-кто из специалистов получил доступ к такого рода материалам, но в середине семидесятых пришел приказ опять «закрыть» их, дабы фрагменты, включенные с лучшими намерениями в какие-либо картины о первых пятилетках и т. п., не могли быть использованы западной прессой для критики советского пути развития.)

Итак, и эта «крепость» — храм Христа-Спасителя — была взята. А что дальше — хорошо известно. Дальше вырытого котлована стройка Дворца Советов не сдвинулась: пробы геологов показали, что грунт не выдержит никакого значительного сооружения. Ближнюю станцию метро называли «Дворец Советов», но потом пришлось переименовать в «Кропоткинскую»... В середине пятидесятых Хрущев потребовал сделать что-либо с котлованом и забором, простоявшим двенадцать пять лет, и тогда построили открытый бассейн «Москва»...

К достопримечательностям этого места теперь следует добавить лишь пар, поднимающийся зимой над теплой водой бассейна... Он стал проникать в залы Музея изобразительных искусств, стоящего рядом, и портить бесценные полотна. Так что к сотням тысяч, которые ушли на превращение храма Христа-Спасителя в большую яму с водой, следует теперь прибавить и новые десятки тысяч, затрачиваемые на улучшение системы «кондишн» в Музее.

И последнее. Был ли в итоге хоть какой-нибудь толк от «взятия» этой «крепости»? Был. Кроме золота, которое можно было снять, не ломая храм, куски гранита использовали в фундаменте здания Госплана, поднявшегося на месте другого храма (Параскевы Пятницы в Охотном ряду, XVII в.). И в мраморной облицовке метро «Кропоткинская» и других станций затерялись куски прекрасного мрамора с храма...

И это всё...

Палата обычной советской больницы. Восемь коек — лежащие больные после операции, холячие — до... Белые унылые стены, застиранные пижамы больных-мужчин... О чем говорят двое пожилых людей, лежащие на койках рядом? О чем, кроме общих болей, рассуждают они так долго?

Один из них — Кусалкин, и он заканчивает рассказывать соседу о своей жизни в тридцатых, о «работе» на храме Христа-Спасителя... Возможно, он знает, что фамилия соседа Богоявленский, но не ведает, что свела его Судьба с автором самиздатовского энциклопедического справочника «Храмы Москвы», сопержащего сведения о судьбе практически всех храмов города от 1917 года до нашего времени...

Почти десять лет инженер-лесовод Михаил Леонидович Богоявленский, будучи уже пенсионером, ходил по Москве и отыскивал места прежних церквей, рылся в библиотеках и архивах. Его уникальным трудом — в восьми книгах — мы воспользуемся, чтобы представить, что уцелело в Москве из сокровищ Пра-

вославия, а что утрачено. (Справочник охватывает храмы всех вероисповеданий, однако доля и значение иных храмов, по сравнению с православными, незначительны. Данные о судьбе и состоянии всех храмов мы приводим в приложении.)

Было бы желательно, чтобы читатель параллельно знакомился с Москвой по советским изданиям. Затруднительно рекомендовать конкретные, наиболее подходящие для этих целей книги, однако набор их весьма велик и, пожалуй, любая будет интересна — и тем, что повествует, и тем, о чем умалчивает.

ЦЕНТР СТОЛИЦЫ

Красная площадь. Исчезнувший Казанский собор и Иверскую часовню мы уже упоминали. Если спуститься от Красной вниз к Манежной площади, то прямо перед глазами стоят два здания, построенные на месте старинных храмов. На месте церкви св. Георгия на Красной горке (XVI в.) в 1930 году начали строить дом в стиле Палладио, в котором до 1954 года находилось посольство США, а ныне Управление ВАО «Интурист». По другую сторону улицы Горького на месте Госплана стояла церковь Параскевы Пятницы.

Свернув направо к площади Дзержинского, мы не досчитаемся сразу четырех храмов:

— Троицы на Полях (XVII в.) — теперь на её месте памятник дьяку Ивану Федорову и книжный магазинчик.

— Иоанна Предтечи на Малой Лубянке (XVII в.). Стоял рядом с распухшим зданием «Лубянки». Сейчас это — асфальт проезда и пустырь меж «Лубянкой» и улицей Кирова.

— По другую сторону улицы Кирова, в самом её начале, была церковь Гребневской Богоматери, храм знаменитый, описанный в «Истории русского искусства» И. Грабаря*. Теперь пустырь, вентиляционная будка метро...

— И наконец, на противоположной от «Лубянки» стороне площади, возле вестибюля метро «Дзержинская», на месте нынешнего сквера, стояла красивейшая церковь Владимирской Богоматери (XVIII в.). Её вместе с соседней башней и частью стены Китай-города взорвал поздней осенью 1934 года приятель Кусалкина (фамилию он забыл).

Если пройти по площади дальше мимо Политехнического музея, стоит остановиться на углу нынешней улицы Куйбышева. Рядом с красивым домом начала века с башенными часами сейчас сквер. А до 1933 года высилась церковь Николы Большой Крест, почти столь же знаменитая своей красой и большим каменным узорным крестом, как и Василий Блаженный.

Недалеко отсюда стоит известная церковь в Никитниках и церкви на нынешней улице Разина — обычные туристские объекты. Действительно, тут есть, что посмотреть, но сейчас наш путь — к бывшей Покровке, ныне улице Чернышевского. Между домами № 7 и № 9 красовался ещё один шедевр православного зодчества — церковь Успения на Покровке, созданная крепост-

* Тут и далее имеется в виду «История русского искусства» издания 1909-1913 гг.

ным Петрушкой Потаповым в самом конце XVII столетия, в период наивысшего расцвета московского барокко. Историки искусства единогласно считали эту церковь одной из лучших на Руси (более совершенной, чем близкая ей по времени и духу церковь Покрова Богородицы в Филях), а архитектор Баженов — самой лучшей, первой.

Согласно одной легенде, Наполеону в 1812 году она так понравилась, что он хотел ее вывезти, чтобы установить в Париже как образец высочайшего барокко. Вывезти не смогли, зато, отступая, Наполеон, как известно, распорядился взорвать храм Василия Блаженного, но и этого французы, к счастью, не сумели.

Летом 1936 года Моссовет по-своему решил первую часть проблемы: «Церковь Успения разобрать, как здание, выходящее за красную черту улицы» (т. е. мешающее автомобильному движению).

И храм Успения снесли, а несколько обломком парапета, наличников окон отправили в Музей архитектуры*.

(Говорят, снести церковь велел Каганович, который ездил по Покровке на службу в ЦК. Так это или не так, теперь установить невозможно, да и вряд ли вкусы иных партийных руководителей отличались от кагановичских. Не одну церковь снесли в Москве по той же причине — «как выходящую за красную черту улицы», но вот через сорок лет журнал «Коммунист» (№ 9 за 1978 год) пишет, что снос памятников в конце 20-х и начале 30-х допускали «антиленинские элементы» и партия постоянно «пресекала такие попытки». Нет смысла спрашивать, кто эти «антиленинцы», но остается вопрос по существу — о какой партии идет речь? Никола Большой Крест стоял в двадцати шагах от подъезда ЦК ВКП(б), церковь Успения — в двухстах с чем-то. Церковь Преображения — прямо напротив через площадь, ещё десяток уничтоженных был отлично виден из окон ЦК. И никто и ничто не мешало их уничтожить...)

Мы можем вернуться к Кремлю и пройти по центру новым маршрутом — в район Арбата. И на нем немало утрат. На углу Волхонки и улицы Фрунзе, возле нынешней Библиотеки им. Ленина стоял оригинальный храм Николы Стрелецкого — тут жили стрельцы в XVI и XVII веке. На месте их храма — скверик...

На Воздвиженке (ныне улица Калинина) стояла замечательная белая церковь, давшая название улице, — Воздвижения Животворящего Креста Господня (XVIII в.). Когда-то в ней венчался Салтыков-Щедрин. Недавно ещё оставались ворота церковной ограды, да летом 1978 года и те снесли, расчистив место подземному переходу.

И в самом конце Нового Арбата, у здания СЭВ на откосе ещё один сквер-пустырь — место церкви Введения Пресвятой Богородицы (XVII в.). И направо и налево от магистрали, в районах старого Арбата и прилегающих, не досчитаемся ещё мно-

* Кто-то из архитекторов добился, чтобы при сносе лучшие храмы фиксировались на фото и ломание шло под наблюдением специалиста по строительному искусству. И, например, в церкви Успения было обнаружено оригинальное перекрытие, улучшавшее акустику храма. Кроме того, над входом напущи табличку со словами «...а строил Петрушка Потапов...». И хотя от шедевра не осталось и следа, зато историки искусства теперь более не сомневаются в том, кто его автор...

гих храмов... Одних пустырей на месте церквей, согласно справочнику Богоявленского, в центре Москвы остается 39...

ВСЯ МОСКВА

Если присесть в летний день где-нибудь в сквере на месте храма Успения или Владимирской Богоматери, или в густой зелени, что окружает бассейн «Москва», то, вероятно, это будет подходящее место, чтобы подумать об истоках бесчинств и вандализма, который особенно ярко проявился в Москве с конца двадцатых годов... Чтобы попытаться представить себе главную причину — общественную атмосферу той поры, отношение к религии и к старине...

Возьмем журнал «Молодая гвардия». Раскроем номер девятый за 1936 год со статьей А. Караваевой «В стране гуситов», где автор, главный редактор журнала, сравнивает отношение к памятникам старины европейцев и людей социалистической эпохи. На первой странице журнала бросается в глаза — «Враги народа», манифест, клеймящий убийц Кирова, которые «метили в самое сердце народа — в Сталина». Затем большая статья о троцкистах, «врагах, которых надо распознавать в любой обстановке...» и лишь после этого начинается собственно журнал и слово предоставляется Караваевой:

«Может быть многие старинные здания в европейских столицах и не представляют никакой серьезной ни исторической, ни архитектурной ценности, может быть они даже мешают современному темпу городской жизни. Но они продолжают стоять, их боятся трогать. Их фотографии аккуратно помещают во все справочники и путеводители... и стоит да и стоит какая-нибудь раскоряка, мешая пешеходам, машинам, всей улице.

У нас в Москве снесли старую купеческую копилку — собор Христа-Спасителя, снесли Красные ворота. Сухареву башню, эту знаменитую московскую «мясорубку», которая мешала движению своей громадиной... Уверенность в могучей силе нашей истории, гордость делами её, сознание, что каждый честный сын своей страны участвует в её строительстве уничтожает раболепство перед прошлым».

Это 1936 год, рассуждения во многом пост фактум. А вот что в начале тридцатых, в «рабочем разгаре» перекраивания Москвы.

«Москва, сонная, затхлая, повторяла жизнь уездной России и московские «сорок сороков» славили малиновым звоном власть тунеяльцев, заглушая стон трудового люда. Социалистическая революция, как могучая река в половодье, смела и сметает эту нечисть...» («Известия», 14 февраля 1931 г.).

«Москва строилась на протяжении семи веков компанией самодуров, царей и купцов. Москва — город-чудище, город-паук, родная сестра Пекина. Такой её рисовали Иовий, Герберштейн, Олеарий.

Переделка Парижа — реконструкция Османа — длилась полвека. Великая Французская революция ждала полвека, чтобы воплотить свои идеи в планах Османа. Октябрьская революция

ждать не будет, ибо у нас есть решающее преимущество в виде собственности на землю» («Известия», 7 августа 1932 г. «Такова Москва», Л. Славин).

Не одни только политические «преимущества» Октябрьской революции перед Великой Французской всплывают со страниц газет и журналов того времени. Оживает ещё одно — высокий и подлинный энтузиазм эпохи, воплотившийся в «красных косынках», в гимнастических парадах, в эпопеях «челюскинцев» и «папанинцев», в интербригадовцах Гражданской войны в Испании. Кто знает, какие невероятные очертания строений будущего рисовались этим энтузиастам при взгляде на жалкие, как им виделось, храмы, на фальшивые символы фальшивой веры!.. Надо думать, они представляли себе нечто получше неосуществленного Дворца Советов... * И в который раз варварство оказалось первым и едва ли не единственным реальным шагом на пути к Утопии. И нам, потомкам, остались не мечты энтузиастов — дела: пустыри. Если можно представить себе нечто вроде всемирного Музея строительства Утопии, то нагляднейший раздел его в центре Москвы, где тонкие тополя и кустики не в силах скрыть пустоты, созданной на месте прекрасных творений, пустоты, которая стала венцом многих талантов, развязкой многих легенд искреннего энтузиазма...

Как этот энтузиазм, так и варварство по отношению к храмам и ко всей старой культуре возникли не сами по себе и не с первых дней советской власти достигли своего расцвета. Развитие шло постепенно, поэтапно.

Вскоре после кампании по изъятию церковных ценностей и ликвидации мощей, власти начали планомерную, рассчитанную на годы кампанию по закрытию храмов. В ход шли любые предлоги и поводы.

«В результате безнадзорности и бесхозяйственности Совета общины Иверской часовни в ней расхищено церковного имущества на 82 тыс. руб. Виновные члены Совета привлечены к ответственности и осуждены сроком на 1 год. Однако по ноябрьской амнистии освобождены. Общине предъявлен иск на 82 тыс. руб.» («Известия», 21 апреля 1923 г.).

С общины, которая утратила свои собственные ценности, советский суд взыскивает в пользу государства пропавшие 82 тысячи рублей!.. После конфискаций начала двадцатых общине явно неоткуда было взять денег, разве что пойти на продажу литургических ценностей (если они ещё оставались), то есть пойти на святотатство... Разумеется, вскоре в том же 1923 году Иверская часовня закрылась.

«В церкви Пимена в Пименовском пер. возле Тверской ул. и Малой Дмитровской на колокольне найден самогонный аппа-

* Увлеченный энтузиазмом, Ле Корбюзье писал в своем проекте реконструкции Москвы: «Только русская художественная душа допустила чудо устремления к огромной общей мечте». Правда, он не скрывал и некоторых своих опасений: «Одной воли недостаточно (для осуществления мечты. — Прим. авт.). Воля и разум могут разрушать, но лишь огромный инстинкт любви к чему-либо может вознести людей и нации к панвысшей участи». О конкретном опыте участия Корбюзье в преобразовании Москвы см. с. ...

рат. Сторож церкви признался в самогоноварении. Перед райсоветом поставлен вопрос о закрытии храма» («Известия», 24 февраля 1923 г.).

И через некоторое время те же «Известия» сообщили о передаче церкви Пимена под клуб соседней фабрики.

«Св. Вишняков осужден за контрреволюционную деятельность и сопротивление изъятию ценностей. Группа верующих общины церкви в Варсонофьевском пер. содержала и укрывала его. Церковь решено закрыть и передать как представляющую ценность для культурных целей в ведение Главмузея» («Известия», 2 марта 1923 г.).

Под тем же предлогом сопротивления изъятию ценностей ликвидировали и Зачатьевский монастырь. Его так же перепали в ведение Главмузея, но «ценность для культурных целей» не спасла ни монастырь*, ни церковь в Варсонофьевском переулке от сноса через несколько лет.

А часто закрывали просто без всяких предлогов и затей.

«Беспартийный вошел с ходатайством в исполком райсовета о закрытии церкви села Всехсвятского и передаче помещения соседней фабрики под клуб» («Известия», 23 февраля 1923 г.)**.

«В бывшей церкви Татьяны в Московском университете открыт клуб. Вместо икон тут висят портреты Маркса, вместо пения слышатся бодрые голоса гимнастов» («Известия», 20 апреля 1923 г.).

Таким образом в середине двадцатых в Москве закрывалось до 10 церквей в месяц. Все они передавались государственным учреждениям и затем для их сноса Моссовет спрашивал разрешения... у самого себя. То есть один — строительный отдел — запрашивал разрешение у другого, скажем, промышленного. Если церковь числилась в списках памятников истории и архитектуры (как церковь в Варсонофьевском переулке или Зачатьевский монастырь), тогда отдел культуры вычеркивал её из этих списков...

К 1934 году и эта несложная процедура показалась излишней. Всё же получалось, что уничтожаются десятки памятников, по-сему их списки в течение нескольких дней сократили более, чем на половину: от 7 тысяч до 3 с небольшим. Сокращение шло прежде всего за счет церквей.

Голоса, говорившие о невозможности утрат, возмущавшиеся насильственным уничтожением корней русской культуры, публично могли прозвучать лишь в эмиграции, в русском зарубежье и, конечно же, ничего не могли изменить. Однако нам сейчас немаловажно и то, что они раздавались, и то, что именно говорилось.

* Из 4 храмов монастыря (собор строил М. Казаков) уцелела одна иконостасная церковь.

** Говоря о том, как происходило закрытие храмов, Богоявленский описывает случай с храмом Сергия Радонежского. Ободранное грязное здание храма до сих пор высится рядом с Андроньевым монастырем. В день, когда церковь закрывали и все ненужное имущество жгли в костре, к женщине, руководившей этой акцией, подошли слепые. Хор слепых пел в церкви и они попросили не уничтожать их нот, специальных нот для слепцов, которые являются большой редкостью. Однако молодая женщина в кожаной куртке решительно откатала им и сама бросила ноты в костер.

Николай Бердяев сказал о противоречиях меж старой и новой Россией наиболее глубоко и точно:

«Существуют не только священные предания церкви, но и священные предания культуры. Культура произошла из культа. В культуре всегда священна связь живых и умерших, настоящее и прошедшее, почитание предков и энергия, направленная на воскрешение. Культура по-своему стремится утвердить вечность. Вам, революционерам, нужно многое из орудий культуры для ваших утилитарных целей, но вам ненавистна культовая её душа, поддерживающая огонь в неугасимой лампаде».

«... Рим страшно углубляет чувство истории, жизни. Храмы, могилы, катакомбы говорят о вечных основах нашей культуры и истории, о возможностях их перехода в вечность... Строение римской культуры подобно геологическому строению земли... на развалинах языческого храма построен храм первохристиан, а на нем позднейший христианский. Таков, например, предместный храм Санта Мария Космедин или более известный Санто Клементо».

«... Стены старых храмов и замков дают иное представление о вечности. Разрушающим потоком времени сносится всё слишком временное, всё устроенное только для земного благополучия и сохраняется нетленная красота вечности. В этом тайна красоты и обаяния, в этом магия памятников прошлого. Я хорошо знаю, что в прошлом не всё прекрасно, что много безобразного и уродливого. Но тайна красоты его не в том, что мы идеализируем прошлое и представляем его не таким, каким оно было. Его красота, это красота, которая есть сейчас, после преобразования прошлого борьбой вечности со временем. Красота храма есть красота преображенного храма, и красота семейных преданий — красота преображенной семейной жизни... Мы знаем большую красоту, чем наши предки... Об этом не думаете вы (революционеры. — Прим. авт.), когда судите о консерваторах по вашим критериям»*.

Надо сказать, что до середины двадцатых в стране ещё имели значительное влияние идеи, истоком которых был «серебряный век русской культуры». В частности, столь характерный для него глубокий интерес к древней русской культуре. Влияние этих идей сказалось и в создании мастерских, занимавшихся реставрацией архитектуры и иконописи, и в том, что продолжали свою деятельность дореволюционные общества вроде «Старая Москва», «Общество изучения русской усадьбы» и проч. Со временем, однако, тут произошло то же, что и во всех других сферах советской культуры: либеральная терпимость под контролем партии сменилась на диктат партийной точки зрения. Закрылись реставрационные мастерские, которыми руководил И. Грабарь, «самоликвидировались» общества, исчезли их брошюры, выражавшие иной, иногда совершенно независимый взгляд на развитие архитектуры, на реконструкцию Москвы.

Параллельно со сносом церквей всё больше стало публикаций, посвященных одной теме — воплощению величия социализма в облике столицы СССР.

* Все отрывки из «Философии ирравенства» Н. Бердяева.

«Во всяком случае до европейской революции Москва остается центром мирового революционного движения, центром партийного, комсомольского и пионерского движения... И это должно воплотиться в облике нашей столицы» (Архитектор Л. Герус. 1932 г.).

«Говоря об архитектуре Москвы, надо помнить, что это и столица СССР и штаб Коминтерна» (Академик Струмилин. 1933 г.).

И официальная партийная точка зрения узаконила «социалистический акцент» в архитектуре:

«Оформление города должно четко отражать величие и красоту социалистической эпохи»*.

О том, какое величие и какую красоту приобрели московские улицы, теперь наши современники могут судить сами. Наша задача иная — понять, что было уничтожено в ходе реконструкции Москвы, чего её лишили, придавая ей новый облик — социалистической столицы. Справочник М. Л. Богоявленского даёт возможность представить в целом всю картину обращения с церквями в Москве с тридцатых годов до нашего времени.

В конце двадцатых годов появилось решение Моссовета о срочном расширении школьного строительства. Положение в школах складывалось ужасное: занятия повсюду проводились в три смены и всё равно классы были переполнены. С 1917 года население города резко увеличилось, а в то же время восемь из каждых десяти школьных зданий заняли наркоматы и иные совучреждения, плодившиеся с фантасмагорической скоростью. Верховный совет РСФСР разместился — и до сих пор обитает — в бывшем духовном училище (ул. Делегатская № 3). Дом профсоюзов занял бывший Воспитательный дом, где были классы для всех трех тысяч воспитанников. (Ныне в этих классах сидят уже не профсоюзники, а слушатели Высшей Артиллерийской академии. У каждой эпохи, видно, свой вклад в просвещение.) И т. п. Москве срочно требовалось сорок школьных зданий. И Моссовет принимает решение — поставить тридцать из них на месте церквей!

Решение это как-то не вяжется с заботой о детях. Ломание церкви и расчистка места под фундамент занимали тогда месяц-другой, да и затраченные на это деньги можно было пустить на строительство сорок первой, сорок второй и прочих школ. Однако с политической точки зрения решение отцов города безупречно — «свет науки и комвоспитания засияет на месте источника мракобесия»...**

Практические последствия «школьного» решения Моссовета мы можем теперь наблюдать в реальности.

* Резолюция актива московской парторганизации по докладу Н. С. Хрущева. Апрель 1934 г. Из книги «Генеральный план реконструкции Москвы». — М., 1934.

** В мае 1978 г. московское радио в одной из передач привело как документальную следующую историю. К Ленину в первые годы советской власти пришли крестьяне с жалобой на местную власть, которая конфисковала у «мира» кирпич, купленный для новой церкви. «Это самоуправство, кирпич нам вернут», — сказал Ленин, но продолжил, что лично посоветовал бы крестьянам строить не храм, а школу. Разумеется, крестьяне последовали мудрому совету и, мало того, вскоре сломали и тот ветхий храм, который недавно хотели заменить новым!..

Стоит коробка на месте неповторимого храма Николы в Столпах (начала XVII в.), который описывался едва ли не всеми гостями столицы и путешественниками. Церковь эту строил боярин Матвеев, просвещенный западник, который первым в России завел у себя театр, собирал летописи и сохранил для истории знаменитую «Летопись о многих мятежах». Он был убит стрельцами во время бунта против молодого Петра I. Правнук Матвеева, дипломат Н. П. Румянцев поставил ему памятник в виде римского саркофага возле церкви. Сейчас нет ни храма, никаких надгробий и даже, когда в 1977 году при возведении пристройки к школе экскаватор открыл древнее захоронение, строительное начальство не дало археологам времени исследовать их.

Стоит коробка на месте церкви Николы на Курьих ножках (XVI в.). Это на соседней к Новому Арбату Большой Молчановке, в гуще современного города. Однако за словами — Никола на Курьих ножках — образ и целая праязпоха. Срубы на высоких пнях назывались так — на курьих ножках, отсюда пошла и сказочная избушка. А срубы на пнях, потому что место было мокрое, болотистое... На курьих ножках поставили первую деревянную церквушку, но по традиции потом и к каменной перешло прежнее название...

А сейчас — стандартная коробка...

И на месте церкви Святого Харитония (XVII в.) в Большом Харитоньевском переулке № 13, которой в детстве любовался Пушкин и рядом с которой он поселил свою Татьяну в первый её приезд в Москву... тоже коробка...

«...и вот
У Харитонья в переулке
Возок пред домом у ворот
Остановился. К старой тетке...»

И ещё одна коробка вместо церкви Рождества в Палашах (XVII в.) — Малый Палашевский пер. 3. Название Палашин — от палачей, ибо со времен Ивана Грозного тут жили заплочных дел мастера. Храм этот был приходской церковью семьи Цветаевых, живших рядом в Трехпрудном переулке. И дом Цветаевых, и храм объединила та общая судьба, которую ещё в 1910-м почувствовала восемнадцатилетняя Марина:

Будет скоро тот мир погублен,
Посмотри на него тайком,
Пока тополь ещё не срублен,
И не продан ещё наш дом.

Только в стихах остались следы ещё двух московских храмов. В начале «Вакханалии» Бориса Пастернака внезапно вырастает храм Бориса и Глеба:

Город. Зимнее небо.
Тьма, пролеты ворот,
У Бориса и Глеба
Свет и служба идет.

Стояла церковь (XVII в.) на Арбатской площади недалеко от ресторана «Прага», где сейчас проезжая часть улицы.

Снесли также описанную Пастернаком («Девятьсот пятый год» и проза «Люди и положения») церковь Флора и Лавра, что стояла рядом с нынешней улицей Кирова. (О знаменитых религиозных спорах, которые вели возле Флора и Лавра русские «богоискатели», писал Н. Бердяев.)

Подводя черту под «школьной кампанией» тридцатых, нужно сказать, что стоила она городу двадцати трех церквей (план — тридцать — так и не выполнили, хотя школ всё так же не хватало). А главное: побродив вокруг построенных школ, как упомянутых выше, так и прочих, скажем, на улицах Пушкина, Ермоловой, Обуха, легко заметить, что места возле них вполне достаточно для возведения аналогичных зданий. Так что храмы могли остаться. Да и чуть в стороне стройплощадку можно было найти. Если бы искали...

Для строительства больших жилых домов, зданий контор и министерств в центре Москвы снесли около семидесяти храмов...

На нынешней улице Медведева, что за гостиницей «Минск» (бывший Воротниковский переулок) стоял с начала XVII века храм Пимена Великого*. Тот самый, что закрыли в 1923 году, найдя на колокольне самогонный аппарат, и затем обратили в клуб. Через десять лет именно на этом месте решили поставить жилой дом. Фабрика, которой теперь принадлежала старинная церковь, разумеется, не чинила никаких препятствий её сносу.

Многэтажные жилые дома поднялись на месте церквей в переулке Немировича-Данченко (дом МХАТа), в Староконюшенном переулке, на Zubовской площади и в других местах.

Нечто из кирпича и камня появилось на месте великолепной церкви Николы Явленного на Арбате (XVII в.) и храма Кира и Иоанна (XVIII в.) на Солянке, которую Екатерина II выстроила в честь своих святых. Однако, взглянув на торговые точки, поместившиеся в возведенных строениях (магазинчик на Арбате 16 и «Кулинария» на Солянке 4), думаешь — лучше бы ничем не застраивали пустыри от церквей... Лучше кустики, лучше пустота, чем такая замена...

Но появилось и нечто примечательное, прежде всего в конструктивистском стиле, на месте церквей. Нынешний Театр киноактера на улице Воровского строился как Клуб Общества политкаторжан и ссыльных по проекту братьев Весниных. Церковь Рождества в Кудрине (XVI в.) стояла бы где-то возле правого крыла нынешнего здания, но ни заказчик, ни архитекторы не задумались — а нельзя ли оставить храм?*

*С церковью Пимена Великого, «Пимена, патрона всех историков», связан очерк М. Цветасовой «У Старого Пимена», о семье историка Иловайского, автора известного учебника русской истории для гимназий.

**И здания имеют свою судьбу. Политкаторжане едва успели открыть в 1934 г. свой Клуб и на первом собрании до хрипоты поспорить — надо ли включать в заказанную роспись фойе фигуры народовольцев или же «храм страдальцев Революции» будет хорош и без них? Тов. Сталин прекратил их бесплодные споры, приказав в это время Обществу политкаторжан «самораспуститься».

В другом случае, при строительстве нынешнего ЦСУ по проекту Ле Корбюзье о церкви подумали. Рядом с предполагавшимся зданием стояли два храма — небольшой белокаменный, выстроенный в XV веке в редчайшем для Москвы псковско-новгородском стиле, и пристроенный к нему большой. Его в начале XVIII столетия возводили, как говорят историки, в новом стиле, указанном самим Петром I. При воплощении проекта Корбюзье большим храмом пожертвовали без раздумий, а белокаменный пытались сохранить. Архитектор Торопов сделал рисунок, показывающий выгодность сохранения церквушки для панорамы и стиля всей улицы. Однако закончились эти попытки культурных архитекторов всё тем же — безобразным крушением церкви и серым асфальтом, покрывающим все грехи*...

И лишь в конце шестидесятых на Новом Арбате, сохранив церковь Симеона Столпника, хотя и без крестов, строители сделали то, что задумывал Торопов и его единомышленники, — совместили старину и модерн. То есть, созрела советская архитектура до воплощения этого нехитрого замысла сорок лет...

Сопоставляя площади, занимаемые старинными храмами и большими жилыми домами, легко обнаружить, что храмы составляют всего 5-10% территории дома. И соответственно не так часто возникали ситуации, когда новый дом нельзя было поставить чуть правее или чуть левее. Кроме того, во время реконструкции Москвы широкую известность приобрел метод передвижки крупных зданий. В районе улицы Горького были передвинуты в глубь кварталов многоэтажные дома, но ни один памятник старины, ни церковный, ни гражданский, не был спасен таким образом.

Зимой 1976 года на одной из конференций современный архитектор, человек неверующий, видимо, однако, думающий о преемственности истории и культуры своей нации, признал, что во время всей реконструкции Москвы лишь в пятнадцати, от силы в двадцати случаях храмы в самом деле нельзя было спасти. Из-за ветхости их, из-за особенностей места или слишком высокой стоимости передвижки...

15-20 хоть как-то оправдываемых потерь из 220 утраченных Москвой храмов.

Кроме двух с лишним сотен исчезнувших к числу потерь следует прибавить и те примерно сто пятьдесят храмов, которые стоят изуродованные и перестроенные до неузнаваемости. Их можно увидеть по всему городу, от района Красной площади (в Старопанском переулке, на улице Куйбышева) до самых окраин. И чего только не размещают в зданиях бывших церквей!

Склад или мастерские — это самый типичный и привычный для глаза москвича вариант. Но вот в церкви Василия Исповедника возле нынешней Заставы Ильича обосновался Институт истории партии при МГК КПСС. Оказывается, уродовать можно не только архитектуру, но и дух места. В начале улицы Хмель-

На втором общем собрании бывшие каторжники добровольно подняли руки за роспуск, но до поздней ночи старики не могли уйти по домам, не могли оставить новенький Клуб, последний оплот их веры.

* Сам мэтр Корбюзье не руководил реализацией проекта, поэтому ничего нельзя сказать о его отношении к сносу храма. Но в записке к плану реконструкции Москвы он высказывает мнение, что достойны сохранения лишь немногие храмы в центре города, не более того.

нишкого, в церкви, где служил знаменитый о. Алексей Мечев. сейчас подсобные помещения ЦК ВЛКСМ.

В архитектурном шедевре — соборе Богоявленского монастыря (проезд Куйбышева, возле ГУМа) — ныне проектный институт «Полиграфмаш». Прежде собор, по словам знатока Москвы Ю. Шамурина, «царил над всем Китай-городом». Храм покрывала каменная «резь», точно кружевная отделка. Внизу, в подклете собора, куда Грозный посадил когда-то на цепь митрополита Филиппа Колычева, позже стояли богатейшие усыпальницы рода Голицыных. Ныне — склад и мастерские института, кругом мусор...

Ещё и ещё институт разместились в церквях на Большой Серпуховской, на Новой Басманной, на Коммунистической, на Таганской...

Самые печальные результаты, конечно, дает «промышленное» освоение храмов. Бесполезно описывать, какой была трапезная Симонова монастыря в начале века, к счастью сохранились её фотографии... Трудно описывать и то, во что превратилась трапезная к нашему времени... Трапезная остается уникальной, хотя и в ином роде — как пример приспособления архитектурного шедевра под фабрику, производящую рыболовные снасти и подобный вздор!.. Нельзя сказать, что никто не понимает ценности трапезной, в тридцатые годы здесь находился филиал Музея архитектуры, но это не помешало зданию начать разрушаться.

В тот же период рядом с трапезной воздвигли огромный Дворец культуры автозавода и административное здание, уничтожив все другие храмы монастыря и старинное кладбище.

Производственным помещением стал и соседний храм Рождества Богородицы в Старом Симонове, более скромный по своим архитектурным формам, но бесценный для русской истории тем, что в нем погребены были Пересвет и Ослябя. Те самые богатыри, что вышли на единоборство с татарскими воинами в начале Куликовской битвы. Героев погребли в прежней деревянной церкви, в 1509 году замененной на каменную, а сейчас следует сказать — где-то в электросиловой подстанции завода «Динамо»...

Мастерские и склады заняли все три храма соседнего с Симоновым Новоспасского монастыря. И хотя это мастерские реставраторов и занимаются они благими делами, изготавливая покрытия для церковных куполов, различные поковки и т. п., храмам, в которых они находятся, от этого отнюдь не легче. (А ещё недавно в части собора Новоспасского монастыря и в бывшей усыпальнице рода Романовых находился вытрезвитель...)

Перечислять разоренные храмы можно долго, и часто уже в начале читатель или слушатель задает вопрос: — Но много ли среди уничтоженных и обезображенных церквей шедевров архитектуры?

И. Грабарь в своей замечательной «Истории русского искусства», приводит фотографии и описывает как шедевры крупным счетом пятьдесят московских церквей. (Без храмов Кремля, но с учетом всех сельских церквей, которые ныне в черте города.) Никто из специалистов не оспаривает мнения Грабаря. И вот сейчас из 50 шедевров только 18 храмов существуют как памят-

ники архитектуры. (Из 18 только 10 в хорошем состоянии.) 28 из них уже вовсе нет, а 4 искажены до неузнаваемости. Все пятьдесят шедевров в годы советской власти вводились в списки охраняемых государством памятников (о чем заботился сам И. Грабарь) и, следовательно, их имел в виду тот пункт Генерального плана реконструкции столицы, где говорилось, что слепое преклонение перед стариной отвергается, но одновременно будет сохранено всё самое ценное в художественном и историческом отношении. Таковы были слова. В реальности происходило совсем другое. Около 60% всех архитектурных шедевров-церквей погибло. Это даже больше, чем уничтожено храмов, не считавшихся памятниками (их уничтожено около 40% общего числа). То есть находившиеся под крылом советских законов храмы пострадали больше не охраняемых никем... Пренебрежение к принципам своей новой социалистической культуры оказалось не меньшим, нежели небрежение к «чуждой культуре эпохи царизма».

А кроме шедевров архитектуры в этой «чуждой культуре» были иные шедевры. Например, — колокольного звона. Церковь Марона на Бабьем городке!.. У человека, слышавшего если не самый московский малиновый звон, то хотя бы что-то о нем, это имя, вероятно, сразу отзовется в памяти. Колокола Святого Марона были особенно знамениты в первые годы после семнадцатого, когда в них звонил Константин Сараджев. К Св. Марону по воскресеньям сходились профессора и студенты консерватории, все поклонники колокольного звона.

О Сараджеве, гениальном музыканте, который находил творческое удовлетворение только в колоколах, подробно написала А. И. Цветаева*. Сараджев обследовал 374 московских колокольных и составил списки самых чистых и звучных колоколов. Его идею создания нецерковной звонницы с набором лучших солистов поддерживали многие крупные музыканты того времени. На протяжении всех двадцатых колокола снимали с храмов повсюду, но звонницы Сараджев так и не получил. Часть прежних солистов сейчас осталась лишь на Иване Великом. Значительное число их продали в США, где Сараджев долго гастролитировал в 1930-м году, а остальные раскололи и переплавили, извлекая серебро на заводе Менжинского...

В последние годы жизни, после возвращения из Америки, Сараджеву негде стало звонить, он написал книгу о колоколах и звоне, но книга не дошла до нас, только отдельные её страницы. Сам гениальный музыкант умер сорока двух лет от роду (1900—1942). Храм Святого Марона пережил и его и свою благозвучную славу. Стоит он и сейчас, точнее стоит остов храма и колокольной (во дворе дома № 6 по 1-му Бабьегородскому переулку, за новой девятиэтажной коробкой, что на ул. Дмитрова наискосок от посольства Франции). Один остов, наводящий на размышления о музыкальной культуре, так тесно и так естественно связанной с равнинами России... О гармонии, которая как бы венчает сочетание малых, «внутренних гармоний», что начинаются в замкнутом пространстве икон, росписей храма, про-

* «Сказ о московском звонаре» (журнал «Москва» № 7, 1977 г.).

должаются в звучащей поэзии Священного Писания, и — наконец — в вознесенных над землей куполах...

И уже после того, как исчезнет или полуразвалится церковь и умолкнут её колокола — последним отзвуком — слышится по Москве её название. Нет и следа от храма, но остается Пятницкая улица, Сретенка и Угрешская, остаются Харитоньевский, Богословский, Благовещенский переулки... Тянется исторический след, хотя и старинные названия постепенно исчезают.

Когда-то храмы вбирали, аккумулировали в себе, в своих названиях черты истории мест, среди которых их воздвигали. Церковь Рождества на Кулишках, Рождества в Палашах, Николы на Курьих ножках, Пимена Великого в Старых Воротниках или того же Св. Марона на Бабьем городке — услышишь и словно ступашь с асфальта в иную эпоху. Видишь Москву в образах. На Курьих ножках — мокрый лес справа за модернизовыми арбатскими многоэтажками. Пимен в Старых Воротниках — за гостиничной коробкой «Минска» жили воротники (воротник тут ни при чем), стража городских ворот, а Старые, ибо позже переселили их в район Бутырок и там построили они другую церковь — Пимена в Новых Воротниках...

На Кулишках: кулишки — сухое место в долине Москва-реки, когда всё залито в половодье. Сейчас храм Рождества на Кулишках на площади Ногина, вокруг он застроен разностильными домами и почти нет следов истории (в подземном переходе обнаружен фрагмент древней стены Китай-города). Не то что черты времени и места — география изменилась. Река давно не разливается, поэтому где высоко, а где низко, решительно никакого значения не имеет и никто этого не знает, пока не задумается. Всё иное — и город, и эпоха, и язык. «Не тот это город и полночь не та» — а церковь стоит как вежа, незыблемая вежа, как тот прочный геодезический знак, который в координатах, отсчитываемых не от изменчивых границ республик или империй, а от вечных полюсов Земли, да от звезд. И — тот город, тот. И даже если храм опустошенный, омертвелый — как церковь Рождества на Кулишках, где теперь лаборатория, — то всё ж и он помогает нащупать исторические нити в нынешней жизни, в иной реальности.

Читаешь справочник М. Л. Богоявленского и, зная Москву и её историю, всё равно снова и заново удивляешься — как во все эпохи православные храмы были средоточием, основой исторической ткани города. «Былого летопись живая — золотоглавая Москва». И ещё раз удивляешься — в какой мере храмы, московская допетровская Русь остается в Москве. Уже не золотоглавые, часто вовсе без глав и куполов, а остаются церкви, «христианские темы» города.

Вот только одна тема: она и историческая и, увы, злободневная. Церкви при тюрьмах. Например, церковь Николая чудотворца в Лефортове. (Прежде по Кадетскому плацу, теперь — по 2-му Краснокурсантскому проезду.) Храм в советское время ликвидировали, но тюрьма оставалась, и в церкви и в её подвале под шум заведенного трактора расстреливали заключенных в 1936—1939 годах...

Истории, аналогичные лефортовской церкви, можно было бы поведать и об упраздненных храмах в донные действующей Бутырской тюрьме и в тюрьме на улице Матросская тишина.

В тюрьмы в советское время превратились не только храмы в тюремных заведениях, но и многие московские и подмосковные монастыри. Один из них, самый древний по времени своего основания (начало XIII в.), Даниловский монастырь и сейчас остается тюрьмой для несовершеннолетних преступников.

Навсегда останется в русской литературе церковь загородного приюта Богоявленского монастыря. (Того самого, чей ободраный собор высится за ГУМом и вмещает институт «Гипрополиграфмаш».) В селе Марфино в 1885 году этот монастырь открыл приют, где мальчиков-сирот обучали столярному и переплетному ремеслу, а также регентскому искусству и игре на скрипке. «Монастыри наши в древности служили пристанищем • сырых и рассадниками просвещения, — сказал на его открытии настоятель монастыря, — и благодарение Господу древле бывшее не престаёт и ныне». Церковь при приюте была двупрестольной: верхний «Утоли моя печали» во имя Божией Матери, нижний, меньший — во имя Св. Пантелеймона. После революции приют сделали обычным детским домом, а церковь закрыли в марте 1923-го*.

После войны детдом занял институт, сырых мальчиков сменили «сырые» заключенные мужчины, и о том, какого именно просвещения стал рассадником закрытый «институт-шарашка в Маврино», теперь хорошо известно из романа А. И. Солженицына «В круге первом».

Странного вида башня на одном из зданий в районе нового телецентра в Останкино — вот всё, что внешне осталось от прежней церкви, и совсем уж ничто не напоминает прохожим о замечательном, трогательном имени храма — «Утоли моя печали»...

Вандализм в отношении к храмам достиг вершины в начале и в середине тридцатых, в общем совпадая с периодом наибольшего насилия и террора в стране. Однако продолжался он и после смерти Сталина. С конца сороковых кое-где начали реставрировать как действующие, так и разоренные прежде церкви, но параллельно с этим десятки и сотни храмов активно разрушались.

Во времена «оттепели» Хрущев, как известно, развернул новую антирелигиозную кампанию. В городах и селах были закрыты сотни церквей и, беспризорные, они, как правило, были обречены на разорение. Всё это коснулось и Москвы. Летом 1961 года события, связанные со сносом церкви Преображения на Преображенской площади, получили широкую огласку. Общине церкви сообщили, что храм подлежит сносу, так как на его месте будет построен вестибюль станции метро. Все прошения изменить план строительства не дали результатов, и в последний день отведенного срока верующие заперлись в церкви и продолжали службу. Милиция окружила храм, милиционеры и дру-

* «Президиум Сокольнического райсовета постановил просить президиум Моссовета закрыть домовую церковь при детском приюте в селе Марфино и передать помещение детскому дому» («Известия», 18 марта 1923 г.).

жинники, которых срочно позвали с соседних заводов, проявили «народный гнев» — ворвались в церковь и выгнали священника и верующих взащей. Церковь снесли, а на её месте стала будочка вентиляционной системы метро!.. Преображение Москвы продолжалось...

В это же время при закрытии церквей (например, в Бирюлево) из них выбрасывали и сжигали на кострах иконы и прочую утварь. Причем милиция следила, чтобы никто из людей не взял икон себе.

Обеспокоенная продолжающимся пренебрежением к памятникам старины московская интеллигенция в 1963 году обратилась с письмом к правительству. С. Михалков отважился вручить его лично Хрущеву. Ответ последовал незамедлительно: Хрущев тут же разорвал письмо и набросился с упреками — «Жалеет десяток церквей, а о сотнях тысяч людей, нуждающихся в жилье, вы подумали?» и т. п.

Через три года, после снятия Хрущева, Общество, опекающее памятники России, было создано. Председателем его назначили зампреда Совета министров РСФСР Кочемасова, то есть человека, обладающего властью (по крайней мере, формально обладающего), и, казалось бы, можно вздохнуть спокойно. О судьбах памятников, в том числе и храмов, заботится орган, близкий к правительству...

Однако в самый день открытия учредительного съезда Общества, 2 июля 1966 года, в то самое время, когда в Кремлевском Дворце звучали приветственные речи Л. Леонова и других советских златоустов, неподалеку от Кремля гремели взрывы, уничтожившие почти все остатки древней стены Китай-города... Стена эта почему-то мешала новой гостинице «Россия». Ранее при её строительстве снесли две церкви, а потом и старинные дома XVIII-XIX веков. По проекту Чечулина и Посохина все церкви подлежали сносу, однако протесты П. Корина и других помогли отстоять тот уголок, который сейчас так украшает «Россию».

Выставляемые туристскими гидами как пример уважения к истории, к прошлому страны, эти храмы на самом деле лишь часть уникального уголка древней Москвы, который мог быть сохранен возле самого Кремля. Уголка, какие с любовью сохранены во многих европейских столицах и даже в ныне советской Прибалтике, но какого никогда уже не будет в Москве.

И до и после организации Общества охраны памятников серьезная угроза московским церквям — приезд особо важных гостей. В конце пятидесятых в ожидании визита Эйзенхауэра сносили ветхие домишки вдоль трасс, которыми его собирались возить. Заодно уничтожили и храм Благовещения Божьей Матери в Бережках близ Плющихи (XVII в.). Он стоял на высоком берегу реки прямо напротив Киевского вокзала. За церковью построили высокий жилой дом с вогнутой лицевой линией, так что храм довольно удачно вписался в новую среду. Но вид у него оставался ободранный и, чем реставрировать, его предпочли снести вовсе...

1972 год. Визит Никсона. Очередная чистка города и уничтожены ещё две старинные церкви, торчавшие на пути следования

Президента США из аэропорта в Кремль. Церковь Казанской Богоматери (XVII-XIX вв.) на улице Дмитрова, где многие годы помещался кинотеатр «Авангард», взорвали, чтобы возвести через шесть лет на её месте клуб административных зданий... В церкви Иоакима и Анны (XVII в.), которая располагалась на стыке Дмитрова и Ордынки многие годы паходился кузнечный цех. П. Корин не раз выступал с призывами спасти оригинальный храм, но в 1972 году и этот храм снесли, чтобы посеять на его месте газон...

1977—1980 гг. — период подготовки к московской Олимпиаде. О сносе церквей в этой связи пока ничего не слышно. Напротив, все храмы, стоящие на виду, срочно реставрируются. Что же, пора безобразий миновала? Безусловно, в столице положение медленно, но всё же меняется к лучшему. Однако не будем обольщаться.

Да, храмов в ходе олимпийского строительства не уничтожали, а вот старинную усадьбу дальних родственников Льва Толстого Остерман-Толстых — сожгли... Реставраторы продумали перенос усадьбы на новое место, поскольку она мешала стройке нового, крытого олимпийского стадиона. Моссовет принял необходимое постановление, выделил средства*. Уникальный деревянный дом, уцелевший в пожаре Москвы в 1812 году, частично успели вывезти, но транспортные возможности реставраторов весьма скудны, а стройка подступала, и не какая-нибудь там, а олимпийская. Стройке не хватало места для складирования материалов, строительное начальство прекрасно понимало, что усадьба Остерман-Толстых — памятник, но оно знало и истинный вес законов об охране памятников в наше время. Официальным путем усадьбу убрать уже нельзя было, и вот 6 мая 1977 года, между 19 и 21 часом в промежутке, когда рабочие ушли, а сторожа ещё не явились, дом загорелся... Утром следующего дня бульдозеры строителей доломали белокаменный фундамент дома. Комиссия реставраторов и представителей Общества охраны памятников установила, что поджог был умышленным. Общество подало на строителей в суд, однако последовали звонки из Олимпийского комитета и следствие по делу о поджоге прекратили...

Случай с домом Остерман-Толстых показателен не только тем, что он один из ряда подобных. В наши дни храмам, как и прочим памятникам, грозят уже не столько идеологические кампании и самодурство властей, сколько их хозяйственная или вернее, бесхозяйственная, деятельность. Два немосковских примера показывают это весьма наглядно.

Во Владимире, который стал одним из центров международного туризма, в 1972 году было решено соорудить мемориал с вечным огнем в память героев Великой Отечественной войны. Однако власти не нашли другого места для мемориала, как то, где стояла Ямская церковь... И её снесли, хотя церковь эта была для Владимира тем же, чем был храм Христа-Спасителя для Москвы — памятником воинам Отечественной войны 1812 года...

В Новгороде, славящемся своими древними храмами, реставрация памятников старины приобрела значительные мас-

* Решение Исполкома Моссовета от 27/XII 1976 г. за № 3378.

штабы. Настолько значительные, что в восстановленной башне Детинца открыли ресторан, а туалет его разместили в алтарной части примыкавшей церквушки...

По сравнению с тридцатыми разорение московских и провинциальных храмов резко сократилось (да и скольких храмов уже не досчитать!). Как и все антирелигиозные преследования, повсюду оно приобрело внешне менее грубые и безапелляционные формы. Однако намного ли меньше стало опасностей для уцелевших храмов? Уменьшились ли угрозы сокровищам Православия, в которых всё острее нуждается современный российский человек? На это трудно ответить однозначно, ибо характер угроз со временем меняется*. Точнее и объективнее оценить состояние и перспективы сохранения храмов в современной России мы сможем после того, как ознакомимся с положением храмов не только в Москве, но и вне её — на Русской равнине.

* Одна современная деталь. Изданная в 1977 г. «Справка о работе московского городского отделения Общества охраны памятников» имеет гриф «Для служебного пользования». Почему информация об общественной заботе о памятниках, стоящая у всех на виду, является «закрытой»? Только потому, что данные, приведенные в «Справке», рисуют не такую уж радужную картину состояния памятников. Не для засекречивания поставлен гриф «Для служебного пользования», просто он пресекает возможность использования этих данных в прессе, то есть «закрывает» информацию от общества.

ХРАМЫ НА РУССКОЙ РАВНИНЕ

«Куда ж нам плыть?» Разросшаяся Москва вобрала в себя десятки сел с их храмами, среди которых много замечательных. Не выезжая практически из столицы, можно увидеть такие сельские шедевры, как храм в Медведкове, в Острове, в Беседах. Но это, конечно же, капля в том море, которое представляют собой пятьсот с лишним церквей и монастырей одной Московской области. Пятьсот с лишним только тех, что официально считаются памятниками архитектуры. А ещё Золотое кольцо, где на одной главной трассе около двухсот храмов, да каких!

Куда ж нам плыть? Куда?.. Вынужденно мы ограничимся немногими маршрутами, самыми известными путями и храмами — районом Загорска и ещё несколькими популярными в Подмосковье, районом Суздаля и Ростова Великого на Золотом кольце. Зато в этих местах мы не будем следовать примеру туристских маршрутов — стрелой от шедевра до другого шедевра, а взглянем и по сторонам от дороги, и на то, что пишут в своих отчетах специалисты по охране памятников и историки.

К югу от Москвы. Тут расположена Коломна, древний город, игравший в XII-XV веках видную роль в судьбах Руси, форпост Москвы в борьбе с татарами.

Последние шестьдесят лет Коломна шагала в ногу с веком и, как и в столице, из всех её храмов (около 50 общим числом) примерно треть снесена, треть перестроена Бог знает во что, а треть теперь отреставрирована или в лесах, возвращая городу черты древности. Как и повсюду, многие из уцелевших церквей лишились колоколен. (И звоном, и высотой, а главное бесполезностью, колокольные очень кололи глаза идеологам. Церковное здание хоть можно было для чего-то приспособить, а колокольную во что, кроме пожарной каланчи?..)

Места к югу от Коломны вдоль Оки упоминаются в миниатюре А. И. Солженицына «Путешествие вдоль Оки». Конкретно автор упоминает церкви сел Любичи, Горки Ловецкие, Гавриловское. Более десяти лет прошло с тех пор, но печальный вид храмов, если и изменился, то к худшему. В Гавриловском в храме по-прежнему склад молокозавода, в Любичах — склад зерна, а на другом от Любичей берегу Оки в ловецкой церкви — мастерские по ремонту тракторов и машин. Один из четырех порталов этих нынешних мастерских — торжественной изгаженной постройки прошлого века — глядит на Оку, на бурьян и замусоренный берег. «Молитесь, ибо наступает Царствие Небесное» — начертано на нем. «Приидите ко мне вси страждущие» — на другом портале, глядящем на старые бороны и шасси...

По соседству с упомянутыми писателем стоят вдоль Оки и десятки других убитых храмов. В Белоомуте была когда-то усадьба Огарева. Он на 15 лет прежде отмены крепостного права отпустил своих крепостных. От усадьбы не осталось буквально ничего, а в церкви её — клуб. И в той части, где клуб — передний фасад и стены не до куполов — побелено, покрашено, а выше — купол ободран и колокольня срублена.

Рядом ещё усадьба Належдина, того самого, который напечатал в своем «Телескопе» «Философские письма» Чаадаева. След остался только на страницах путеводителя...

В путеводителе этом сказано также, что село Дединово — центр трех колхозов. Достопримечательность эта запечатлелась на здешних храмах — в двух мастерские колхозов, а третий — XVII века с красавицей-колокольней — в печальном виде и без применения сельхозтехники.

По долине Москва-реки между столицей и Коломной стоит множество интересных храмов, но добросовестный путеводитель М. Ильина по архитектуре Подмосковья вынужден приводить фотографии большинства из них самым общим планом. Оно и понятно — и на общем заметно, что церковь в небрежении, а подойти чуть ближе, так и не скрыть, что от храма осталось одно название: ни окон, ни дверей, ни декора, а то и главок и крестов уже нет. Именно в таком виде стоят церкви в селах Прусы и Городня, церкви, почитаемые всеми специалистами, как вехи в русском каменном зодчестве. Обе отличаются принципиальным приемом — шатер поставлен прямо на четверик, а традиционный для храмов XVI века восьмерик пропущен. Обе церкви недавно реставрировались: в Городне это выразилось в поправке крестов и главок (остальной стройматериал прораб продал «налево»), в Прусах проводилась консервация крыши, но, по свидетельству реставраторов, «ветер слул новую кровлю»... И дождь и сырость по-прежнему проникают сквозь щелистый шатер и дыры в окнах.

Западный сектор Подмосковья — особый. В значительной мере церкви тут пострадали во время второй мировой войны, и чтобы не было путаницы — кто и когда разорил или уничтожил храм, мы полностью исключаем зоны военных действий из рассмотрения.

Остановимся лишь на одном аспекте, на одной особенности западного сектора. От самой Москвы до Звенигорода тянутся вдоль Москва-реки зоны правительственных дач и санаториев. Места эти радуют глаз чистотой, ухоженностью каждого дома, каждого клочка. Что делается с храмами здесь? Стоят тут и знаменитые церкви в окрестностях Звенигорода, в Больших Вязёмах — эти жемчужины реставрированы, либо в лесах. Стоят и несколько действующих церквушек (в стороне от дач). Но всё остальное... [проп.] — в Знаменском, что по соседству с бывшими дачами Иосифа и Василия Сталина, в Иславском, где проект храма приписывается Казакову, в Лайкове, в Троицком, в Михайловском и в десятке иных мест — та же мерзость запустения, что и в церквях вдоль Оки...

Север Подмосковья. Если отправиться от Москвы на Север по ленинградскому шоссе, то у отметки «72 км» можно увидеть отходящую вправо дорогу. Она ведет в деревню Болдино. Нет, это не пушкинское известное Болдино. Это подмосковное — родовое поместье первого русского историка, государственного деятеля, одного из «питомцев Петра Великого» Василия Никитича Татищева. Тут он прожил в опале много лет, тут умер и похоронен, и тут в его деревянном домике после его смерти сгорели

уникальные летописи, таинские, как говорят, ключи ко многим загадкам древнерусской истории. В хорошую погоду доехать от шоссе до Болдина — четверть часа, в распутицу, вероятно, час, но так или иначе проехать можно всегда. И вот, представьте, в Москве много лет жили люди, которые запросто могли доехать на своей машине до «72 км», но свернуть с шоссе в Болдино они не имели права. Хотя оснований интересоваться этим селом у них было больше, чем у кого бы то ни было. Дело в том, что фамилия их — Татищевы.

Конечно, эти Татищевы — иностранцы. Французский дипломат, прямой потомок Василия Никитича, много лет занимал в посольстве в Москве пост атташе по культурным вопросам и не раз обращался с просьбой к советским властям разрешить ему повидать родовое гнездо. Ему обещали организовать такую поездку... тем дело и кончилось.

Опытный дипломат, Татищев всё понимал и не особинно настаивал на своей просьбе. Он так и уехал в Париж, не увидев Болдина. Он-то уехал, а работники одного из отделов Министерства культуры до сих пор беспокойно вздрагивают при словах «Болдино Татищева». Как выкручиваться в следующий раз, когда какой-нибудь очередной потомок Василия Никитича — а их много, Татищевых, оказалось во Франции и в США — невинно спросит: «А не могу ли я осмотреть имение наших русских предков?»

Запретность и недоступность Болдина для иностранных подданных объясняется, конечно, не стратегической его важностью. Болдино просто стыдно показывать интуристу. Честно говоря, и своим-то стыдно, и не то что людям, а от укоризненного взгляда лошади впору прятать руины бывшего барского дома. Осталась от него коробка без окон, без дверей, без полов, с развалившейся лестницей. Церкви, построенной Василием Никитичем, возле которой он велел себя похоронить, и вовсе нет. Взорвали её в 1952 году, хотя погост находится в двух километрах от села и никому она не колола глаза крестами. Сама могила историка и резной каменный саркофаг несут следы неоднократных разорений. Уже несколько лет Академия наук СССР, Общество охраны памятников ведут с властями переговоры о переносе праха Татищева в Москву, в некрополь Донского монастыря. Когда-нибудь, вероятно, они добьются своего и прах Василия Никитича не будут тревожить пьяные хулиганы в поисках мифических сокровищ или просто острых ощущений. Однако показатель сам факт, что у нашего «самого совершенного в истории общества» уже нет иного способа остановить кощунство, осквернение памяти предков, кроме как спрятать «ценные» останки за прочными стенами бывшего монастыря под надзор платных сторожей...

К северу от Болдина расположено село Никольское-Сверчково, более позднее владение Татищевых. На средства владельцев села в 1733 году тут построили храм, который специалисты относят к редким для своего времени образцам барокко. Относят по тем руинам, которые остались к нашим дням. Колокольня же и вовсе отсутствует — её взорвали в 1955 году...*

* В качестве некоторого утешения роду Татищевых можно привести фото

По другую сторону от Болдина — к югу — находятся блоковские места: Шахматово, Тараканово, Боблово. От дома Блока и следа нет, а церковь в близнем Тараканове («Утром белая церковь ввали и светла и ясна очертаньем») в виде просто ужасном. Правда, уже начались разговоры о реставрации храма, но, когда она начнется и начнется ли вообще, никто не может сказать.

Блоковским местам посвящена не одна книга (сошлемся хотя бы на одну из последних — книгу критика Ст. Лесневского «Завещанное, заветное...»). Наша же задача напомнить не столько о блоковских местах, сколько о том, о чем они напоминают... О том, что «дворянские гнезда» (а с конца XIX века и не только дворянские) создали ту загородную культуру, которая была составной частью культуры России. Эти гнезда-усадьбы были средоточием, столпами этой культуры, а столпом каждой усадьбы, стержнем её духовной жизни была церковь, храм.

В современных справочниках и путеводителях по Подмосквовью как достопримечательные упоминаются две с лишним сотни усадеб, так или иначе связанных с развитием русской культуры. Храм ли замечательный поставил владелец, или дом, или парк разбил уникальный, или служила усадьба «приютом вдохновения» художникам и мыслителям, или была их родовым гнездом. Но одно дело упоминать в справочнике для сведения историков искусства и литературы, а другое демонстрировать реальные дома, храмы, парки. И оказывается, что для осмотра любознательных во всем Подмосквовье открыто едва двадцать усадеб*. Ещё в трех-четырёх десятках разместились дома отдыха и санатории, и усадебные дома тут в порядке, хотя церкви чаще всего в таком виде, что их не стремятся демонстрировать.

Когда и как произошло разорение усадеб и их храмов? В этом стоит разобраться подробнее, ибо судьба усадебных и всех прочих сельских церквей общая.

Выше мы упоминали книгу критика Ст. Лесневского «Завещанное, заветное...». Большая часть этой книги посвящена Шахматову, истории его разорения, поискам блоковской библиотеки, попыткам восстановить память о поэте в его любимых местах. Основная тема, конечно, разорение Шахматова.

«Что же вы думали, что так «бескровно» и «безболезненно» и разрешится вековая распря между белой и черной костью... между интеллигенцией и народом?»

«...почему рубят вековые липы парка? Потому, что десятилетиями барин драл тут девок. Не в этом, так в соседнем имении... Почему дырявят древний собор? Потому, что сто лет здесь ожиревший поп, икая, брал взятки и торговал водкой... Всё — так. Я знаю, что говорю».

«Не знаю, почему Вы не увидели октябрьского величия за

церкви в ещё одном поместье их предков — в селе Татищев Погост в районе Ростова Великого. Тут храм не просто уцелел, но и действует!

* Только к северу от Москвы стоят в печальном разорении церкви и дома в усадьбах Фонвизина (Спас-Коркодино), декабристов Оболенского, Давыдова, Поджино (Храброво, Мышечское, Шуклово). В районе Звенигорода в руинах усадьба А. Герцена. В церкви тут спортзал воинской части...

отдельными гримасами, которых было очень мало — могло быть во много раз больше».

Это сам А. Блок.

А вот Луначарский о Блоке:

«Блок мог петь славу красному петуху, хотя бы горела его собственная усадьба».

Подбирая эти и аналогичные цитаты из писем и статей Блока, Лесневский пытается сделать историю Шахматова и его хозяйства типичным примером столкновения черной и белой кости в 1917—1920 гг. И выводы, к которым подводит читателя автор, не блещут новизной: огромные утраты, нанесенные прежней российской культуре новой властью, произошли в период революции, на волне народного гнева, Возмездия, постигшего Россию за грехи правящих классов. Возмездие это предсказывали, предчувствовали и оправдывали лучшие люди России, и кроме того, когда идет речь о Возмездии, о стихии, тут, сами понимаете, понятия «справедливо-несправедливо» не применимы к отдельному человеку, к отдельной усадьбе.

Как и прочие авторы советских исторических исследований этой эпохи, Лесневский приписывает «бунту», «Возмездию» семнадцатого-двадцатого годов основные разрушения старой загородной культуры. А между тем большую, главную часть усадеб и подавляющее число церквей разорил и обратил в руины «не русский бунт, бессмысленный и беспощадный», совсем не он.

Существовало когда-то в Москве «Общество изучения русской усадьбы». Немногочисленные его публикации дают картину разорения усадеб в послереволюционное время.

К 1920 году советским государством было взято под охрану 520 сельских усадеб*. Из них более 150 на территории Московской губернии. Конечно же, и в 1917-м, и в 18-м, и в 19-м, говоря словами одного из знатоков русской старины Н. Н. Врангеля, «в общем костре жгли, рвали, били, крушили, ломали и толкли в ступе... выковыривали камни из драгоценных оправ, и плавил старинные сосуды...». Конечно, сожженные к 1920-му по безалаберности Шахматова и Боблово, по пьянке — Спас-Угол Салтыкова-Щедрина не были единичными случаями. И всё же 150 усадеб близ Москвы оставалось. Пусть без мебели, без фамильных драгоценностей и картин, а храмы без многих церковных пенностей, однако самые церкви, дома и парки стояли ещё прочно. Исчезли и обратились в руины они уже потом, много позже «бунта и хаоса», в советское мирное время.

Сравнение данных «Общества изучения русской усадьбы» за двадцатые годы с нынешними данными показывает, что массовое разрушение двух с лишним сотен храмов и полутора сотен старинных домов произошло после 1929 г., с началом коллективизации. В это время шло закрытие церквей повсюду в селах, и то, что мы говорим о двух сотнях церквей в примечательных усадьбах, в равной степени относится и к шести сотням храмов в прочих селах вокруг Москвы.

Наспех сколоченные колхозы получали жесткие плановые задания на строительство коровников и свинарников для об-

* Труды Московского ин-та культуры, т. 13. — М., 1974.

общественного скота, но, как правило, на строительство не отпускалось ни кирпича, ни тесу. И такое положение чаще всего толкало колхозы на разбор на кирпичи старинных церквей и усадебных домов и служб. Кроме плана экономического развития хозяйства, обязательными были и планы идеологической работы, включавшие в себя показатели закрытия и сноса храмов. Так что не «не помнящий себя в хмельном гнев» народ», а трезвые партийные аппаратчики решали судьбы сельских храмов. И не в бурные 1917—1920 годы, а в 1929 и последующие десятилетия, но особенно, конечно, в тридцатые с их репрессиями*, разорением «крестьянских гнезд», так скоро последовавшим за разорением «гнезд дворянских». И, вероятно, прав был молодой парень, в наши дни во время просмотра слайдов разоренных сельских церквей воскликнувший: «Так вот где корень нынешней разрухи в деревне! Вот с чего оно началось — с закрытия церквей». Вот к чему мы приходим — к вопросу о корнях экономической разрухи деревни, начавшейся в тридцатых и развивающейся поныне...

«Хмельным, но праведным Возмездием» не оправдать тяжелейшие духовные и эстетические утраты народа. «Хмель гнева» — это было бы слишком просто, слишком абстрактно и успокоительно. Не хмельные мужики, а новая социальная система ответственна за разорение сотен храмов и усадеб. «Пьяный, — говорит народная поговорка, — проспится, дурак — никогда».

К востоку от Москвы. В этом направлении, точнее — к северо-востоку, идет знаменитый царский путь на Ростов Великий, путь богомольцев на Троице-Сергиеву Лавру, на Александров, Переславль... В этой стороне самые знаменитые храмы, фото которых можно найти во многих популярных изданиях: храмы в Пушкино, Братовщине, в Абрамцево, в Воздвиженском, на родине Сергия Радонежского в нынешнем Городке, в Софрино, и чуть в стороне — в Царево, в Батюшково... И сам Загорск — Лавра и ещё более десятка церквей, и почти все в хорошем виде. Без сомнения — большое богатство!.. Однако всё ли это, чем мы обладаем? Всё ли, чем могли обладать?..

Совсем рядом со столицей, в нескольких километрах от кольцевой дороги, стоит церковь села Тайнинское. «Воспетая летописью, стоит открытая всем ветрам и дождям тайнинская церковь XVII века», с горечью писал Павел Корин в 1966 году**. Прошло тринадцать лет, Корина уже нет в живых, а в церкви по-прежнему цех одной из мытищинских фабрик. В самом городе Мытищи церковь XVIII века («XVIII век не XVII, говорят в местных отделах культуры, — этих много...») «преображена в пожарное депо, а колокольня — в каланчу».

Река Клязьма известна всем москвичам. Но есть ещё поселок Клязьма, и тут среди деревьев стоит уникальная церковь, созданная в начале нашего века архитекторами и художниками абрамцевского кружка в старорусских традициях. Называют её

* «Общество изучения русской усадьбы» в начале тридцатых годов разогнали и членов его пересажали «за шпионаж». Как правило, «шпионаж» заключался в розысках или вычерчивании планов и схем усадеб и парков.

** П. Корин. «Как гражданин России» («Комсомольская правда», 27 июля 1966 г.).

ещё майоликовой, так как вся она облицована майоликой. Семнадцатый год поменял когда-то освятить готовый храм, и с тех пор в нем квартиры, устроены перекрытия в три этажа... Превращены в жилье и две другие деревянные церкви, где по праздникам иногда пели Шаляпин и Нежданова, жившие летом в этих местах на даче.

Ельдигино, что в километрах 30-ти от Клязьмы, было когда-то имением мужа Инессы Арманд. Это обстоятельство защитники старины сейчас пытаются использовать в своих целях — вставить разоренный здешний храм (XVIII в.) в списки реставрируемых. Пока и имя Арманд не помогает.

Стоят на этом пути и усадьбные церкви. В Любимовке (3 км от платформы Тарасовка) находилось имение Алексеевых, один из которых, Константин, взял театральный псевдоним Станиславский. Невелика была усадьбная церквушка — в наши дни из неё даже путного склада не вышло, пришлось магазинчик устроить. А когда-то в ней бывали и сами Алексеевы, и их гости — Немирович-Данченко, Чехов, Собинов. В Любимовке Антон Павлович начал писать летом 1902 года свой «Вишневый сад»...

Неподалеку от Загорска есть ещё одна усадьба, возле которой стоит остановиться — Ахтырка. От усадьбы — пустое место, но разоренный храм Ахтырской Богоматери всё ещё числится в путеводителях, поскольку проект его приписывают известному архитектору Кутепову. Сама же Ахтырка, судя по статьям в сборниках начала века «Москва в прошлом и настоящем», и в журнале «Старые годы», была олицетворением, чистейшим образцом того добродушного бездельного барства, что расцвело в подмосковных усадьбах в эпоху после победы 1812 года. Охоты, обеды, продолжавшиеся от полудня до рассвета, именины по три дня кряду с бесконечной чередой «сельских развлечений», фейерверков и прочего... Словом, стиль, знакомый по классической русской литературе от Отрады, в которой жила семья графа Ростова, до угасающих имений героев Бунина.

Оставили бы сибаритскую Ахтырку хотя бы под вывеской какого-нибудь «музея разложения дворянства в первой половине XIX века». Но нет... Может быть, и сделали бы музей или, по крайней мере, реставрировали бы храм, да вот беда — далеко от большой туристской дороги. Эта беда общая у всех храмов, которые мы упоминали, причем — чем дальше от дороги, тем больше небрежения. Будь Гагино поближе к трассе, будь оно хотя бы издали заметно из туристских автобусов, вероятно, убрали бы с глаз долой то, что осталось от местной церкви. А остался от храма, где, по преданию, когда-то тайно венчался Федор Шаляпин, один большой купол, висящий на четырех арочных опорах, — со всех сторон приделы взорвали...

В соседних селах Закубежье, Выпуково, Заболотье колокольни и трапезные сломали в конце 40-х — в начале 50-х. Сломали, так как до конца пятидесятых для нищих колхозов динамит или аммонал были роскошью, мало кому доступной. А после хрущевского укрепления сельского хозяйства орудовать ломом стало лень...

Среди разоренных храмов вокруг Загорска немало таких, что считаются выдающимися по своим архитектурным достоинствам и описываются в различных специальных изданиях. Это

церкви в Иудино, Деулино, Бужаниново и храм XVII века в Константиново. Однако современное их состояние ничем не отличается от печального состояния тех, что, с точки зрения официального искусствоведения, «не представляют никакого интереса».

И всего вдоль прославленного пути на Лавру и в районе вокруг Загорска насчитывается до семи десятков разоренных храмов...*

Район Ростова Великого. Эти места не нуждаются ни в рекламе, ни в подробных описаниях их соковищ. Пройдя царским путем от Москвы, увидев Лавру, Александровскую слободу, Переславль-Залесский и Ростов, даже непосвященный начинает ощущать, осознавать глубину культуры Православия. Культуры, которая была создана людьми, веками вкладывавшими свой труд и талант не в цивилизацию с её мощеными дорогами и весьма разумными социальными институтами, а в свой путь к Небу, в бескорыстную Красоту, от начала до конца посвященную и устремленную к Единому Творцу. Достигли ли они своей цели, чего они вообще добились? Не мы им судьи. Но как бы там ни было, красота и гармония, светившая в душах строителей, светит теперь и нам.

Можно долго, не торопясь, вникать в гармонию Борисоглебского и Ростовского Кремлей, пусть и не завершенную прославленным колокольным звоном... Казалось бы, к чему это осматривание, «коллекционирование» десятков и сотен храмов, разбросанных по Руси? Есть справочники, отличные альбомы по архитектуре храмов, по иконописи. В них всё сразу: и церкви в лучшем виде, а не в лесах и не в потеках от дождей, и всё самое ценное с точки зрения искусства. Что за туристская повадка облизывать всё, чтобы галочку поставить, что ли?

Потом понимаешь, что не галочка нужна — толкает потребность проникнуться атмосферой того, что есть в реставрированных церквях, в музейных иконах, но лишь отчасти. Ищешь в храмах следы того, что существовало в этих прекрасных формах целостно, целокупно, не расчлененно по разделам современного искусства. Одним словом, следы жизни... Вдруг, в том, следующем, что-то уцелело такое, что как слабый аромат, как намек даст возможность почувствовать бывшее единство и гармонию храмового действия**.

В дореволюционном Ростове было 37 храмов приходских и монастырских. Ныне — 16 церквей в городе в хорошем состоянии. Ещё 8 перестроены или в руинах. Итого — 24, то есть 13 церквей уничтожены до основания...

* Загорск, казалось бы, никак не должен фигурировать среди мест, где стоят разоренные церкви. Увы... Причем не второстепенные церкви на окраине, а возле стен самой Лавры. Два храма — Введения и Параскевы Пятницы, оба 1547 года, замусорены и ободраны, хотя их вроде бы не разрушают, а напротив реставрируют... Реставрация эта заключается в том, что их регулярно мажут снаружи побелкой и золотят купола, а разор и мусор остаются вот уже почти два десятка лет.

** О «верховном синтезе искусства, удачно разрешенном в храмовом действе», вероятно, наилучшим образом сказал отец Павел Флоренский в статье «Храмовое действо как синтез искусства».

Руины храма XVIII века стоят у самого ростовского Кремля на берегу Неро, а чуть подалеже на центральной улице города в церкви Космы и Дамиана (1775 г.) — пункт приема стеклотары, где постоянно толкутся фигуры со спитыми лицами, которых затем свозят в другой храм — Введенскую церковь Авраамиевого монастыря... Ибо здесь два года назад, одновременно с началом реставрации собора и колокольни, обосновался районный вытрезвитель. Из окон вытрезвителя открывается отличный вид на озеро, на равнину вокруг, где маячат купола и колокольни бывших монастырских храмов в Белогостицах, в Угодичах, и менее известных сельских церквушек, которые теперь ничем или почти ничем не отличаются от храма-вытрезвителя...

Далеко видны над озером Неро колокольня в селе Поречье-Рыбное, самая высокая на Руси (95 метров). Лет пятнадцать стояли вокруг неё леса, наконец, реставрация закончилась, пореченская свеча засияла над озером. И теперь, пожалуй, никому не придет в голову, что у подножья колокольни храм в виде совершенно непотребном. (Храма собственно два, но один из них — зимний — давно обращен в сельский клуб и не сохранил ничего от своего внутреннего и наружного убранства.) Церковь Петра и Павла сохранила необыкновенные росписи XVII века, которые производят большее впечатление, чем прославленные фрески в церквях ростовского Кремля. Кое-кто из художников говорит, что именно потому и большее, что в Петропавловской церкви живопись не реставрировали и она сохранила свою прежнюю яркую гамму. Конечно, поразительна стойкость старой живописи, сохранившей не только колорит, но и вообще сохранившейся повсюду, куда не могли достать ножи и гвозди в руках трезвых или пьяных варваров, где не отвалились от протечек куски штукатурки. Фрески в Поречье сейчас уже на грани гибели — они пережили эту грань, но планы реставрации и консервации живописи (попросту говоря, починки кровли, окон и дверей) перекладываются с года на год.

Из более чем сорока сохранившихся вокруг Ростова сельских церквей сейчас лишь несколько действующих и ещё 5-6 имеют в самом деле вид храмов. Однако в списках районного отдела культуры число «неблагополучных» памятников архитектуры, то есть разоренных храмов, неуклонно сокращается. Причина проста — «неблагополучные» вовсе исчезают с лица земли. Совсем недавно были разобраны церкви в селах Карачарово и Никольское-на-горах. В последнем случае поводом для разборки послужила нехватка кирпичей для колхозного детсада. Но ломают ли храм для благой цели, вроде детсада, или для вульгарного хлева, как то было в тридцатых и сороковых, практическая сторона дела одна и та же: от ломки церкви получают больше щебня, чем кирпича. Так и детсадик в Никольском не появился быстрее за счет разрушения церкви, и сельский пейзаж приобрел лишь руины.

Ниже мы приводим отрывок из письма геофизика, человека, находящегося под впечатлением разрушенных храмов северной части Ярославской области, однако слова его равным образом относятся и к сельским церквям Ивановской, Костромской и прочих областей этой части России.

«Последние два месяца экспедиция стоит в районе Мышкино и Рыбинского моря. Не знаю, в других местах этого было меньше или просто я не замечал, но тут особенно тяжело: мы объездили села двух районов и повсюду всё время находишься — ходишь, работаешь, спишь — в тени разрушенных и оскверненных церквей. Это как паралич, как заноза в мозгу — постоянно видеть самое высокое и самое значительное творение в округе разоренным, и оскверненным, и недоуничтоженным. Нормальный человек не может вынести зрелища ежедневного издевательства, надругательства даже над самым лютым врагом своим... Как может вырасти, развиваться человеческая душа в тени этих руин, этого насилия? В краю, где лишь ржавые силосные и водонапорные башни пытаются шагнуть к небу от земли?

Я знаю, что не всё и не всюду так плохо. Мне укажут — на десятки культурных сел и на стандартные современные коттеджи и прочее — я видел их. Материальные проблемы теперь плохо, но всё же решаются, но и в коттедже и в селе с асфальтом куда уйти душе от того, что лучше, что мы создали по всей Русской равнине за последние полвека — это те храмы, которые мы и отцы наши не смогли или не успели уничтожить».

Общие беды и утраты не обошли полностью и прославленный ныне на весь мир Суздаль. И он лишился своего уникального по архитектуре Троицкого собора и нескольких колоколен на городских храмах, но разорение, слава Богу, лишь крылом коснулось Суздаля. И сейчас, хотя многое в обращении с храмами, ставшими музеями, огорчает и возмущает, все же 39 суздальских церквей в целостности и практически в безопасности. Мы бы и вовсе не касались Суздаля при наших задачах, разве что для собственного удовольствия приложили бы десяток цветных фотографий, если бы опять не окрестности, не ближние к Суздалью сельские храмы...

39 храмов в самом древнем городе и 56 вокруг него. И 56 эти не просто расположены в том же районе, но во многом связаны с Суздалем кровными узами традиций храмового зодчества. Знаменитая суздальская школа зодчих существовала дольше других. И в XVIII и даже в XIX веке на суздальской земле строили храмы по-своему, в особицу, мало прислушиваясь к общим веяниям и модам, или в крайнем случае трактуя их на свой местный лад.

Многие суздальские красавицы, возведенные в начале и в конце XVIII века — их почти половина из 39 — были развитием стиля и идей, которые прежде осуществлялись в каком-нибудь из окрестных сельских храмов. Здесь отрабатывались и знаменитые суздальские колокольни — карандаши с вогнутыми гранями шатра и разноцветными восьмериками под шатром. В большинстве случаев, но отнюдь не всегда, городские церкви были самыми удачными образцами. Бывало и так — суздальский храм зодчие брали прототипом, который в новой среде и в соответствии с местными требованиями варьировался и звучал по-новому. Неужто всему этому грош цена, раз есть храмы Суздаля?.. Ставший банальным образ айсберга с одной третьей, открытой глазу, очень точно описывает положение на суздальской земле, где столько же ценностей невидимо, «под водой», и значит в полном небрежении.

Среди полусотни храмов и церквей в Кидекше, в Коровниках, и знаменитейший храм Покрова на Нерли. И это всё, пожалуй, на что хватает всерьез внимания государства. Стоят выше по Нерли ещё храмы в Новом, Якиманском, в Заполицах, в Воскресенской слободе, в Абакумлево, в Пересборово, в Мордыше — и все девять разорены и разрушаются... Конечно, не тягаться им с главной нерльской жемчужиной, храмом Покрова, но ведь каждая по-своему хороша и неповторима. Стоят они одной цепью по берегам той же Нерли от Покрова до Бориса и Глеба в древней Кидекше, цепью, от которой остались лишь два звена — первое и последнее...

Относительно оставшихся четырех десятков храмов можно сказать то же самое, что и о подмосковных и о ростовских: повсюду разрушение, пассивное, но есть и активное. В Старом Быкове в 1972 ещё стояла колокольня-карандаш у храма, а в 1976 её уже не было... Знакомые тенденции. И если и есть местные отличия, местная экзотика, так сказать, то она, к сожалению, того же характера: в селе Обращиха лет пять назад разрушение церкви начали не с колокольни, как обычно, а с приделов. Их уничтожили, а высокая классическая звонница так и осталась в руинах.

Так же, как в Подмосковье, стоящие вблизи самой дороги Владимир-Суздаль храмы приведены внешне в пристойный вид — в Борисовском, Павловском, в Овчуках. Правда, из-за холмистого рельефа с дороги видны и некоторые дальние церкви и, разумеется, беспорядок, если особо востроглазые граждане — или мистеры — разглядев из автобуса обезглавленный силуэт, поделятся этой дурной новостью со своими спутниками. Поэтому владимирское управление культуры нашло «оптимальный» выход — приказало реставраторам побелить эти дальние храмы. И деньги выделило на эту косметику в обрез, зачастую не ассигновав нескольких сот рублей на починку дырявой крыши, на щиты на окна и двери, что предотвратило бы дальнейшее активное разрушение храма. «Силуэт белеет, стало быть, храм в порядке» — ведь понятно, что никакой туристский и тем паче интуристский автобус не свернет с главной трассы на проселок посмотреть — а что белеет-то? Так что при наших российских дорогах такая косметика — дело верное, и владимирское начальство свой хлеб, как говорится, не даром ест.

Владимирская область самая благополучная из всех пяти входящих в Золотое кольцо*. И в прошлом она утратила менее других, и сейчас тут реставрируется больше и лучше, чем повсюду. В самом Владимире 16 уцелевших церквей (из 27 прежних) содержатся в относительно порядке, и во всех райцентрах области разоренная, изгаженная церковь скорее уже исключение, чем правило. Однако и тут далеко не всё так хорошо, как стремятся показать туристские проспекты. Например, официальный «Список памятников истории, архитектуры и культуры Владимирской области» издан в 1975 году с грифом «Для служебного пользования» и тиражом всего в 150 экземпляров, то есть (как и

* В Ярославской, Ивановской, Костромской области дела обстоят гораздо хуже. Эти земли лишились в прежние десятилетия до половины и более всех храмов. В самом Ярославле сейчас осталось около 40 церквей из 88. В Переславле-Залесском — 20 из 40 с лишним. И т. д.

аналогичные документы в Москве) недоступен для общественности.

Но есть на Золотом кольце и малоизвестные уголки, которых почти не коснулась ни индустриализация первых пятилеток, ни новостройки последующих. По этой причине почти не коснулись и массовые разрушения прошлых лет. В прелестном Тутаеве (бывший Романов-Борисоглебск) самой крупной промышленностью был местный хлебозавод, он и занял в предвоенные годы Благовещенский собор (XVII в.) и оставил от него к нашему времени руины. Зато на остальные восемь храмов, стоящие по обоим берегам Волги, претендентов не было и их разорили только изнутри, да и то без особого усердия.

В двадцатых годах И. Грабарь и его сотрудники ездили по провинциальным городам, отбирая самые ценные иконы в столичные музеи. Таким образом они спасли множество шедевров древнерусской живописи. Но в Успенском соборе Ростовского Кремля, например, Грабарь не обратил внимания на византийскую икону XI века «Олимпия», вскоре её сожгли или выбросили на свалку (упоминание в перечне списанных икон обнаружили в архиве лишь в начале 70-х). И по этому одному примеру можно представить — какие сокровища считались вредным хламом, подлежащим уничтожению в те годы. Даже часть того, что, миновав костры 20-х и 30-х, попало в фонды музеев, позже при идеологической перетряске фондов нерелко снова выбрасывалось, и иконы XVI и XVII веков шли на растопку печей.

Тем не менее, побывав в залах Ярославского, Ростовского, Переславльского музеев (и тем более зная о внушительных их запасниках), с удовольствием обнаруживаешь, как много сокровищ уцелело, как много сохранилось, несмотря на всё. Вполне, казалось бы, достаточно... Но, если задуматься, — для чего достаточно?

Чтобы читать университетский курс по истории искусства — достаточно. (Тем более, что для иллюстрации в этом случае можно использовать фотографии из старых изданий.)

Вполне достаточно уцелевших церквей для того, чтобы использовать их в качестве примеров в «воспитании патриотических чувств населения», чтобы пропагандировать «заботу социалистического государства о культурном наследии». Их даже больше, чем нужно для создания впечатления терпимости к религиозной жизни у иностранцев. И больше, чем нужно для обслуживания туристов, иначе говоря для поддержания этого модного культурного развлечения. И если смотреть только с этих точек зрения — тогда — да, тогда всё хорошо.

Однако, если допустить, что храмы способны не только питать любознательность и чувство прекрасного в области архитектуры и живописи, но дать гораздо больше и в области искусства, и главное, в сфере душевной и духовной жизни, тогда ощущается — сколь многого мы лишены. Достаточно представить, что культура Православия могла бы быть не только частью нашего прошлого, но важной и активной частью нашего настоящего — тогда понятно, как мало всего, что нам доступно сегодня.

НОВЫЕ ВРЕМЕНА — НОВЫЕ НАДЕЖДЫ?

Весной 1978 года в московском Доме архитектора выступал начальник городской инспекции по охране памятников А. Савин. Выступал он перед профессионалами, и поэтому разговор получился деловым. Савин описал положение дел и перспективы.

— В Москве реставрацией занимаются четыре специализированные организации. Три крупных треста и одна мастерская Общества охраны памятников. (Творческим руководителем её является П. Д. Барановский.) Тратится в столице на восстановление памятников, среди которых большое число храмов, около 13-15 миллионов рублей в год. Однако сами по себе деньги мало что решают, ибо сейчас и 13-15 миллионов не обеспечены стройматериалами, техникой и рабочей силой.

Кроме неважного технического состояния многих памятников, наибольшая угроза как храмам, так и гражданской архитектуре — новые градостроительные тенденции. Теперь столица реконструируется целыми районами, стало быть и дома теперь сносятся не «поштучно», и не улицами, а районами. При этом если церковь и остается в целости, новое чуждое окружение заслоняет, унижает храм в буквальном и в переносном смысле. О подобной судьбе знаменитого храма Иоанна Предтечи в Толчкове в Ярославле историк архитектуры Тылман сказал:

— Окруженный новыми корпусами лакокрасочного завода Иоанн Предтеча теперь, что голова Иоанна на блюде...

В Москве такая участь грозит десяткам церквей в центре и на окраинах. Возле популярного храма Воскресения в Сокольниках воздвигнут многоэтажный дом, который сводит почти на нет архитектурное очарование храма. Даже знаменитой церкви Покрова в Филях грозит весьма неприятное соседство очистных сооружений близлежащего завода, строительство которых начнется в охранной зоне памятника.

По словам Савина, целые районы города, такие, как Сокольнический, Бауманский, Пролетарский, «являются неблагоприятными в отношении памятников». Их власти мало считают с рекомендациями архитекторов, что из старины оставлять и как строить вблизи нее*. Несколько лет назад один из руководителей Сокольнического района получил партийный договор за снос исторических зданий, однако и после этого договора положение в районе почти не изменилось. Существует авторитетная Комиссия при Моссовете по снесу, однако Комиссия эта — орган общественный и решения её пересматриваются Моссоветом.

Современное отношение к памятникам требует, чтобы средства, затраченные на их реставрацию, быстро окупались. Само

* Много лет назад московские архитекторы Каиров, Клименко, Маркус начали разработку методики оценки сочетания новых построек с памятниками архитектуры. Работы эти были остановлены высоким руководством, ибо по этой объективной научной методике становились совершенно очевидными чисто вкусовые волевые решения о постройке многих зданий в центре. И более того — надо было прислушиваться к выводам этой методики в дальнейшем... Поэтому методика получает развитие в Tallинне, Астрахани, Вологде, но не в Москве...

по себе это не так плохо, однако, следуя этому правилу, в старинном поместье Кузминки, например, запланировали строительство большого ресторана довольно близко к историческому дворцу. В заповедном Коломенском предполагается заставить «работать» не только ресторан и кафе, но и аттракционы... После этого не удивительно, что старинное кладбище (XVI-XIX вв.), расположенное у соседней церкви в Дьяково, оказалось неуместным и его... перенесли (то есть перенесли несколько старинных саркофагов и надгробий в музей, недавние захоронения — на другие кладбища города, а остальное заровняли и превращают в парк...). Неуместными оказались и избы старого села Коломенское, которые представляли собой естественное и историческое окружение знаменитых храмов, и их сожгли... На ликвидации всего, мешающего веселому времяпровождению, особенно настаивали местные (районные) партийные власти и делать это им было тем легче, что Коломенское — заповедник только по названию, а юридически его заповедность Моссовет так и не утвердил, не желая связывать себе руки на будущее.

Первый шаг, который делается для охраны любого памятника, это извещение граждан и организаций о его ценности и государственной опеке над ним. Выполняет обычно эту функцию мраморная или чугунная доска с соответствующей надписью. И вот такие доски первой необходимости висят в Москве лишь на двух из каждых десяти памятников... Иначе говоря, 80% памятников, как сказал Савин, «обездолены» (от слова обездолены).

Неужто в столице не хватает средств даже на такие мелочи? Хватает. Дело опять не в деньгах. Доски-то не гладкие вывешивать надо, а с текстом, и с текста и начинаются все сложности. Как всякий печатный текст, а тем паче рассчитанный на века, на мраморе, он должен пройти цензуру: начальника инспекции по охране памятников, райкома КПСС, Моссовета и, наконец, Горлита. Неудивительно, что несколько строк информации для доски утверждаются месяцами, а то и годами. В зависимости от важности памятника.

Доски для храмов Кремля были выполнены в лучшей архитектурно-проектной мастерской, руководимой В. Я. Либсоном. Текст утвердили все инстанции, его выписали на лучшем мраморе, лучшими дефицитными красками, повесили... Кто-то из Верховного совета СССР, проходя мимо, прочитал и спросил:

— Что это за текст такой? Почему такой текст?

Доски сняли, но поскольку никто не решился спросить, что в прежней надписи было плохо, то до сих пор в Кремле висят временные доски с самыми краткими данными о соборах*.

— Разумеется, — сказал в заключение Савин, — наша инспекция приложит все усилия, чтобы доски висели на всех памятниках. Но подобных проблем у нас немало и когда стоит выбор — пробивать новые доски или спасать Коломенское, вы понимаете, что мы выбираем...

* Хотя нет никаких официальных инструкций, известно, что недопустимо упоминать на доске имя заказчика (хтитора) храма, боярина или купца, финансировавшего и определявшего в значительной мере его стиль и достоинства.

Современное отношение партийных властей к сохранению памятников старины выразил выступивший на другом совещании архитекторов ответственный работник ЦК КПСС.

— Мы поддерживаем усиление мер по охране памятников, как дело большой патриотической важности. Мы поддерживаем и меры по усилению финансирования реставрации их, однако, вы, товарищи, должны понимать, что развитие страны ставит перед партией немало проблем и в их решении существует приоритетность...

Проще всего эту приоритетность в отношении к памятникам проследить на распределении денег на реставрацию.

В Москве в год тратится на восстановление памятников, как уже упоминалось, до 15 миллионов рублей. При этом в столице под охраной государства находится примерно 600 памятников. В Московской области, где памятников около 700, — тратится 4 миллиона, а на Владимирскую область с её Суздалем, Юрьевым-Польским и другими уникальными городками (всего тут насчитывается до 500 памятников) — отпускается 3,5-4 миллиона. Ярославлю, Ростову Великому и всей Ярославской области (около 500 памятников) — 1 миллион. Костромской, Ивановской областям достается ещё меньше*.

Вполне понятно, что Москве, столице и старинному городу, дастся больше, чем другим, однако получается, что на каждый московский памятник приходится в 8 раз больше денег, чем на любой нестоличный. И столь большую разницу вряд ли можно объяснить чем-либо, кроме политических соображений.

Точно так же в самой Москве средства распределяются не столько по ценности храма или другого старинного здания, подлежащего реставрации, сколько по его близости к центру, к тому, что составляет Витрину столицы.

На Золотом кольце деньги оседают прежде всего вдоль главной трассы, которой следуют туристы, но при этом даже таким знаменитым «объектам», как Ростов Великий, Юрьев-Польской, Переславль-Залесский, достаются мизерные суммы — по 70-80 тысяч рублей в год. За последние пятнадцать лет на эти деньги, например, в Ростове сумели привести в приличный вид лишь храмы Кремля (в основном снаружи, внутрь главного собора Кремля — Успенского, — как внутрь некоторых других церквей, туристов не допускают из-за крайне неприглядного состояния).

То же самое можно сказать и о храмах Переславля-Залесского, где из-за недостатка средств реставраторы вынуждены были пойти на то, чтобы заложить окна и двери в церквях, а поверх кирпича нарисовать переплеты, решетки и т. д. («После этого, — сказал один из реставраторов, — значение храма сводится к украшению местности, не более того».)

Начиная с московского Кремля и кончая Суздалем, реставрационные мастерские не хозяева ни себе, ни тем деньгам, которые им отпущены. Они исполнители заказа, а хозяин — областное Управление культуры. Что бы ни думали специалисты о важности того или иного храма, они не сделают и мазка крас-

* 30% всех сумм составляют средства Общества охраны памятников, получаемые за счет взносов частных граждан, его членов.

кой, если Управление культуры не сочтет его достойным реставрации. Московский Ново-Спасский монастырь реставрируется уже более десяти лет, и всё же до сих пор техническое состояние его храмов аварийное, а внешний вид более, чем непригляден. Вывеска у входа в монастырь гласит, что тут размещаются Всесоюзный производственный научно-реставрационный комбинат и Лаборатория по консервации музейных ценностей. (Впрочем, кроме них ещё и мебельная фабрика.) Более, чем кому бы то ни было из посетителей, разоренный Спасский собор и прочие безобразия колют глаза самим реставраторам. И всё же на восстановление храмов комбинат выделяет из года в год мизерные средства.

Из года в год Управление культуры считает, что у комбината есть более важные работы — Кремль и особняки в центре, занятые различными правительственными учреждениями. В результате на спасение Спасского собора с великолепными росписями XVII века расходуется меньше денег, чем на окраску «под кирпич» кремлевских стен и башен.

В провинции «приоритетность задач» проявляется ещё нагляднее. Знаменитая пореченская колокольня до начала реставрации была сохраннее и с технической и с эстетической точки зрения, нежели храм у её подножья с его уникальными фресками. Но, несмотря на возражения специалистов, Управление культуры (начальник Андреев) велело использовать все средства только на реставрацию колокольни. Понятно — именно колокольня видна из туристских автобусов, идущих по шоссе, и из самого ростовского Кремля. А кто видит разрушающуюся церковь с её фресками, кроме своих местных?..

На ходатайство реставраторов и «охранщиков» памятников изыскать несколько тысяч рублей на спасение церкви XVII века в селе Погорелово близ Ростова Великого, тот же Андреев ответил, что до 1980 года прежде всего будут приводиться в порядок «олимпийские туристские трассы». (Церковь эта поставлена известным боярином Матвеевым в своей вотчине, сейчас в ней мастерские колхоза «Заветы Ильича».) Иначе говоря, заново покрасить и побелить главные ярославские и ростовские храмы оказывается важнее, чем спасти от разрушения церковь, стоящую вдали от взоров туристов.

Многолетняя история попыток оживить немые ростовские колокола так же наглядно демонстрируют приоритетность задач в глазах властей. Сотни тысяч слышали записи прославленных звонов на пластинках, однако и приезжающим в Ростов предлагается прослушать ту же запись на пластинке... Колокола висят на красавице-звоннице, экскурсоводы рассказывают «биографию» главного солиста «Сысы», что бывал слышен за 20 верст — и это всё... Со времен записи на пластинку и съёмки кинофильма «Семь нот в тишине» колокола более не звонили. Многие писатели, архитекторы пытались возродить былую славу Ростова, сам министр культуры РСФСР Мелентьев обещал энтузиастам поддержку, но ярославский обком партии заявил, что звон пробудит религиозные чувства, и спор меж советской культурой и советской властью был окончен.

Безобразное положение с реставрацией Толгского монастыря под Ярославлем стало предметом критики в центральной прессе*, но несмотря на это, те же «олимпийские хлопоты» не позволяют Управлению культуры найти деньги на ремонт крыши собора. А из-за дырявой крыши гибнут от сырости уникальные фрески XVII века. И тут удаленность от накатанных туристских маршрутов определяет заботу начальства — в Толгу туристов почти не возят, а интуристов и вовсе, так как рядом лагерь для уголовников, который лишь недавно выселили из древнего монастыря.

В Новгороде работник Управления культуры уговаривал художников, собиравших по кусочку из мусора уникальные фрески XIV века:

— Ну что вы мучаетесь с этими фресками? Разве наши художники лучше не нарисуют? Нарисуют. А мы бы здесь в мастерских (в подвалах Детинца. — Прим. авт.) такой бы велотрек соорудили...

Десять лет назад инерция политических установок приводила к ещё более анекдотическим ситуациям. В Подмоскowie, в Больших Вяземах, в ограде выстроенной когда-то Борисом Годуновым церкви, находится могила брата Пушкина Николеньки, умершего девяти лет. Неподалеку от Вязем в Захарово находилось имение бабушки поэта, и маленький Пушкин и его брат проводили здесь летние месяцы. Не перечесть всего, что размещалось в церкви после её закрытия в конце двадцатых. Последней, уже в начале семидесятых, тут обосновалась столовая сотрудников выросшего по соседству огромного закрытого института. Окна её кухни оказались как раз над уцелевшей могилой, и соответственно мусор и помои стали выбрасываться из кухни на могилу... Когда к начальнику института пришли члены местного отделения Общества охраны памятников со словами, что на любую могилу выбрасывать мусор негоже, тем более на такую, в ответ они слышали:

— Брат Пушкина? Да ещё неизвестно, кем бы он был, Пушкин, если бы не наш семнадцатый год. И брат его мог вырасти в злостного крепостника, эксплуататора крестьян...

Надо сказать, что сейчас могила в относительном порядке и годуновская церковь уже наполовину отреставрирована снаружи. Происшедшие в официальной партийной линии изменения заставляют теперь и того же начальника, и столичных и иных начальников культуры избегать откровенно наплевательского отношения к старине. Партийные установки требуют определенного внимания к памятникам культуры. Однако на практике это внимание реализуют те самые кадровые работники, которые перед этим много лет жестоко преследовали все, что так или иначе связано с религией или религиозным мировоззрением. И вот теперь эти люди должны заботиться о сохранности храмов, не прекращая в то же время повседневной борьбы с религией на всем «культурном фронте». Ох, как трудно это им дается, и ох, как сложно ожидать от них сердечной заботы и понимания, что им вручено...

* «Золотое кольцо: блики и тени» («Советская Россия», 5 апреля 1978 г.).

Интерес иностранцев к русским церквям был и остается одним из самых мощных факторов их сохранения. Это общеизвестно, и деятельность фирмы «Интурист» в этом отношении не заслуживала бы ничего, кроме добрых слов, если бы ради политических (и экономических) выгод «Интурист» не шел на многое, что наносит ущерб охране храмов. Новая «традиция», по которой в Суздале интуристам открывают Богородице-Рождественский собор и в те дни, когда он закрыт ввиду большой влажности воздуха, опасной для фресок, далеко не самое опасное проявление власти могучей фирмы. В том же Суздале, вслед за идеей поселить иностранцев в современных избах-келях Покровского монастыря, появился проект создания водохранилища перед Кремлем (на Ильинском лугу). Таким образом интуристы смогут бросать взгляды на неповторимую панораму церквушек Суздаля ещё и с лодочек... Вероятно, это может принести некую валютную прибыль, вероятно... но в то же время появление водохранилища исказит природную среду заповедного Суздаля, и, более того, подъем почвенных вод может вызвать вредное увлажнение кладки во многих церквях города.

Несмотря на резкие протесты специалистов, «Интурист» (в лице дочерней фирмы «Спутник») проник в Ростовский Кремль. С мнением опытных реставраторов мало считались во время приспособления бывших братских корпусов — под гостиницы для туристов, Красной палаты митрополита Ионы — под танцзал и церкви Одигитрии — под современный офис. Изразцовые печи XVII века выбрасывались на свалку, где их, по счастью, подобрала работница местного музея. Особенно тяжело сказалось на состоянии храмов и корпусов прокладывание тепло-трассы: она производилась с обычной для наших строителей «тщательностью», и две последующие зимы горячие ключи прорывались то тут, то там и потоки воды текли по стенам древних зданий.

Теперь «Спутник» с благословения ярославского обкома (и обком имеет свои апартаменты в историческом Кремле) наложил лапу на знаменитую звонницу Борисоглебского монастыря. В нижнем этаже уникального сооружения «Спутник» начинает сооружение кафе. Печать потребительства, которая накладывается на храмовую архитектуру — одна сторона дела. Другая — техническая. Подводка коммуникаций и переоборудование древнего здания в кафе, задача более тонкая, чем тот арсенал средств и мастерства, которым обладают обычные реставраторы. Чаше всего подобные операции наносят серьезный ущерб памятникам.

В тех случаях, когда планы «Интуриста» или «Спутника» вызывают слишком уж сильные возражения владимирских или ярославских специалистов, всемогущие фирмы утверждают проекты переделок прямо в Москве. И оказывается, что валютные и политические выгоды из столицы всегда виднее, чем ущерб от переделок церквей в офисы или осыпание фресок от высокой влажности в храме.

Аппетиты «Интуриста» растут. Планы очередного русского «шоу с церквями» готовы уже и для Соловецкого монастыря, хотя конца его реставрации не видно. По этим проектам отдаленный монастырь, куда советские туристы будут допускаться в ограниченном количестве, превратится в некий остров раз-

влечений на экзотическом фоне церквей, мифических белых медведей и реальных могил эпохи советских Соловков. Трудно предположить, чтобы информированный западный человек совсем ничего не слышал о недавнем ужасном прошлом Соловков. Не ясно только, что интуристовское начальство собирается делать с этой гранью нового туристского центра: попытается начисто затереть её в развлекательной шумихе или, напротив, постарается превратить в некое привлекательное и пикантное «родимое пятнышко». Отдавая должное коммерческому нюху «Интуриста», можно лишь предполагать, какие ещё «шоу» изобретет он, скажем, для Кириллова-Белозерского или Ферапонтова монастыря, и как эти затеи исказят облик старинных храмов.

Судьбы множества храмов по всей стране в неменьшей степени, чем от политических установок, зависят и от экономической ситуации. В городах эта ситуация складывается неплохо, так как сдать храм-памятник в аренду дело легкое и выгодное. Причем формальный хозяин всех памятников — инспекция по охране памятников при управлениях культуры — может даже в некоторой степени выбирать арендатора, давая согласие тому, который обязуется больше делать для реставрации церкви или особняка, который ему отводится. В селах ситуация прямо противоположна городской и с каждым годом все ухудшается. Началось это ухудшение, как ни парадоксально, с улучшения экономики колхозов и совхозов. Прежде все закрытые церкви использовались в селах либо под клуб, либо под склад, либо под ремонтные мастерские сельхозтехники. Ни для одной из этих целей храмы абсолютно не приспособлены. Поэтому, как только у колхозов заводятся деньги, они стремятся построить и современный клуб, и мастерские, и удобные склады. После этого церковь оказывается вовсе беспризорной и даже той минимальной заинтересованности в ней как в кирпичной коробке с крышей более нет ни у кого. Теперь — числится церковь в списке памятников или нет — её никто не охраняет и всякий желающий тащит с неё кровельное железо, выламывает оконные рамы и двери, и даже кирпичи на постройку сараев или починку своих домов. Такие пустующие разоренные церкви привлекают теперь сельскую молодежь, они становятся своеобразными клубами, где пьют, жгут костры и поют под гитару... Трудно представить более жестокую пародию на истинное значение храма как центра духовного общения.

По какой-то сложившейся советской традиции именно подростки наносят наибольший ущерб закрытым, бездействующим церквям. Зная об отношении властей к религии, они чувствуют, что за хулиганство в храме им ничего не будет, и неудивительно, что со времен колоний для беспризорников, занимавших в 20-е годы монастыри, подростки давали волю своим агрессивным инстинктам именно в церквях. Прежде юный вандализм был направлен на крушение алтарей, изрезывание фресок, сейчас ничего подобного в храмах как правило уже не осталось и «молодой задор» находит выход в выламывании полов, в исписывании самых недоступных мест внутри и снаружи храма.

Общая тенденция развития сельского хозяйства — ликвидация мелких деревень и сселение крестьян в крупные современ-

ные поселки. Судьбу конкретного села Н. при осуществлении этого, вероятно, неизбежного процесса определяют плановые органы исходя из: а) экономических данных, б) транспортной ситуации, в) демографической ситуации и т. д. Ни на пятом, ни на десятом месте в этом списке нет пункта культуры, куда при желании можно было бы включить стоящий в Н. старинный храм. По всей зоне Нечерноземья, которая сейчас усиленно модернизируется, сотни церквей (сотни лишь официально числящихся памятниками) обрекаются на разрушение в «неперспективных», подлежащих ликвидации селах. Даже в районах Суздаля и Загорска не делается никакого «снисхождения» церквям, стоящим в обреченных деревнях. Если по плану селу и отпущено ещё десять лет жизни, всё равно власти не дадут ни копейки даже на то, чтобы поправить дырявую крышу на храме. В самое последнее время плановые органы в Подмоскovie пытаются учитывать фактор культуры при оценке будущности населенных пунктов, но попытки эти столь робки, что, зная инерцию нашей бюрократической машины, трудно рассчитывать на реальную пользу от них в ближайшее десятилетие.

Совершенно не учитывается «культурный фактор» и при проведении мелиорации земель, которая приобрела широкий размах прежде всего в Нечерноземье. Не может быть возражений против попыток улучшить бесполовое использование земель в нашем сельском хозяйстве, но трудно не замечать, как часто мелиорация разрушает ту природную среду, ту гармонию лугов, перелесков, полей, которую так естественно венчали купола православных храмов... И ещё труднее заглушить в себе мысль, что хозяин, проводя мелиорацию своей земли, всегда нашел бы способ сохранить речку или озеро, над которым поднимается местный храм...

— Не знаю, правильно они там работают или нет, эти мелиораторы, — заметил один реставратор, — что наука может учитывать, а что нет, но вот у нас возле Изборска (Псковская область. — Прим. авт.) множество озер повысыхало и церкви на их берегах сразу как-то осиротели без двойников в «зеркале вод». А эти всё кладут свои трубки и кладут...

Другой реставратор, крупнейший специалист её теории, Б. Л. Альтшуллер заявил на одной конференции весной 1978 года:

— Десять лет назад мои коллеги и я начали сбор материалов для каталога «Архитектурные памятники Подмоскovie». Сейчас мы вновь ездим по тем же районам и наблюдаем, как почти повсеместно состояние памятников ухудшилось. Как известно, масштабы реставрации с тех пор сильно увеличились (о её качестве я не говорю), но масштабы пассивного и активного разрушения памятников, особенно церквей, увеличились ещё больше.

Угроз сохранившимся храмам, как мы видим, больше, чем достаточно, и в городах, и особенно в селах. Ну а каковы надежды, каковы реальные возможности их дальнейшего сохранения? Могут ли защитники старины что-либо противопоставить этим угрозам?

В последнее время, кроме устных и изредка печатных гласов, вопиющих о спасении национального достояния — храмов и других исторических памятников, появился и солидный юри-

дический инструмент их защиты: Закон 1977 года об охране памятников.

Журнал «Коммунист»^{*} писал об этом законе как о «венце всей шестидесятилетней работы в этой области, воплощении ленинской политики в отношении культуры и искусства». Действительно, новый закон берет под своё крыло много больше типов памятников, чем то было прежде, гарантирует им большее внимание властей и большую финансовую поддержку. Однако почему — «венце»? Какие законы, какую «шестидесятилетнюю работу в этой области» он венчает?

...Весной 1948 года москвичи, проходившие рядом с метро «Таганская», становились свидетелями странного зрелища: рабочие, влезшие на церковь Николы на Болванах не рушили ободраных куполов, а напротив — ремонтировали их. И хотя в конце вверху поставили не кресты, а шпили, всё равно было чему подивиться — церковь в центре Москвы восстанавливали впервые с начала двадцатых... Следом за «болвановской» реставрировали и другие церкви, как разоренные, так и действующие, и это было одним из проявлений улучшения отношений меж Православной церковью и властями. В тот же 1948 год было издано обширное Постановление Совета министров СССР^{**} за подписью Сталина об охране памятников архитектуры. В нём, в частности, запрещалось не только сносить памятники, но даже «...устраивать в них ...ледники, бани, скотобойни и иные производства с технологиями, которые разрушающе действуют на здание». Выделять скотобойни и бани среди запрещенных для устройства в памятниках производств нужно было особо именно потому, что бани и бойни в тридцатых и сороковых годах разместились в десятках и сотнях закрытых храмов. (Гражданским архитектурным памятникам и тогда находили более рациональное использование.)

Политические последствия сталинского шага в отношении Православия хорошо известны, а о том, какова была практическая польза Постановления об охране памятников, можно судить по письму, которое написали Сталину И. Грабарь и историк академик Панкратова через месяц после опубликования Постановления:

«Охрана культурного наследия сейчас находится под ударом и по сути снята с очереди, ибо памятники больше разрушаются, нежели охраняются... и список погибших или погибающих шедевров мирового значения множится день ото дня... Законы обязывают арендаторов заботиться о памятниках, но маломощные колхозы, учреждения и организации не в силах делать этого и памятники гибнут сотнями и тысячами».

Авторы называли меры, предусмотренные Постановлением, явно недостаточными и предлагали дополнить его рядом конкретных шагов по спасению памятников.^{***} Но письмо это так и не было отправлено, а многочисленные попытки И. Грабаря исправить положение дали некоторый результат лишь в области

^{*} «Коммунист» № 9, 1978 г.

^{**} Постановление Совмина № 3898 от 14 октября 1948 г.

^{***} И. Грабарь. Вопросы реставрации. Сб. статей. — М., 1960.

теории и методики реставрации. (В 1949 году при АН СССР был создан Методический совет по вопросам реставрации.)

Постановления правительства принимались и до 1948 года и после. Первые декреты, касающиеся охраны предметов искусства, изданы были ещё в 1918 году!* Ряд постановлений был принят в течение двадцатых, и в 1932-м, когда на месте храма Христа-Спасителя ещё высились горы мусора и обломков, было принято Постановление ВЦИК от 20 февраля 1932 г. о недопустимости сноса памятников. И в следующем 1933-м так же было принято Постановление (Постановление ВЦИК от 10 августа 1933 г.), на сей раз в основном по поводу «нарушения со стороны местных властей предыдущего Постановления 1932 года...». (Назывались все документы в этой области документами о «Памятниках революции, истории и культуры», и сама формулировка, как видно, устанавливала приоритетность в отношении к различным памятникам.)

Постановления разных лет касались различных проблем охраны памятников, но на практике они оказывались сходными в главном — все они исполнялись из рук вон плохо. Постановление Совета министров СССР от 30 августа 1960 года указывало на невыполнение одного из главных пунктов Постановления 1948 года — об обязательном заключении с арендаторами памятников официальных договоров на аренду...

Вот какого рода юридическую практику венчает Закон 1977 года. Неудивительно, что он последовательно продолжает принципиальные пороки актов предыдущих лет. В частности, он не предусматривает действенных мер пресечения нарушений законов об охране памятников. (Все меры пресечения нарушений согласно новому Закону — штрафы, да и то в ограниченных размерах.) Правда, в Уголовном кодексе РСФСР существует 230 статья, по которой порча и искажение памятников может караться заключением сроком до двух лет. Однако, говоря о действенности законов об охране памятников, группа юристов в статье в журнале «Коммунист»** не привела ни единого примера уголовного наказания по этой статье. Человек, занимающийся охраной памятников более двадцати лет, высказался ещё более определенно:

— У нас в Москве я не помню случая уголовного преследования за уничтожение самых ценных памятников. Думаю, их не было до сих пор и по Союзу. Штрафуют, это да, и несколько пьяных хулиганов посадили как-то на 15 суток. Ни один трезвый начальник не пострадал ещё ни разу, что бы он ни снес — церковь, кладбище или старинную усадьбу.*** В Витебске в середине шестидесятых взорвали собор XII века — двенадцатого, ка-

* Часто можно прочесть в популярной литературе, что до революции в России не было никакого закона, охраняющего памятники архитектуры. Закона не было, но Строительный устав запрещал снос и повреждение зданий, которым было более ста лет.

** «Коммунист» № 9, 1978 г.

*** Начальник московской инспекции по охране памятников Савин упоминал о партийном выговоре, наложенном на одного из руководителей Сокольнического района столицы за снос исторических зданий. Однако тут речь идет об ответственности члена партии перед своей партией, точнее перед определенной политикой, проводимой в данный момент, а никак не об ответственности перед постоянным и обязательным для всех Законом.

ких по России по пальцам, — и намерение взорвать одобрил тогдашний первый секретарь ЦК Белоруссии Мазуров. Ну, показал тогда «Фитиль» эту историю, ну повозмущались все, но никого не наказали, а Мазурова вскоре перевели в московский ЦК...

В той сфере, где состояние памятников и отношение к ним можно улучшить с помощью штрафов, новый закон начал приносить существенную пользу. Угроза выселения арендатора из занимаемого им храма или особняка заставляет многие учреждения хотя бы как-то заботиться о своих зданиях, которые прежде эксплуатировались на износ. Однако и тут возможности нового закона ограничены. Вот два примера.

В подмосковном Николо-Песношском монастыре обосновался солидный закрытый НИИ. Когда в соборе монастыря были уничтожены старинные изразцы, институт был оштрафован на 2 тысячи рублей. Таков предельный размер штрафа, каков бы ни был истинный размер ущерба. Институт сразу же заплатил эти 2 тысячи, однако ни заменить испорченные изразцы имитацией, ни гарантировать сохранность оставшихся, как он утверждает, не может. И новый закон оказывается бессилем что-либо с ним сделать. Конечно, инспекция по охране памятников могла бы расторгнуть с институтом договор на аренду монастыря, но это возможность только теоретическая: выселять закрытый НИИ из удобного для него монастыря партийные власти никогда не позволят.

Другой пример — сельского храма. После появления нового закона звенигородское отделение Общества охраны памятников добилось от колхоза села Троицкого, чтобы тот убрал свои ремонтные мастерские из церкви XVIII века. Колхоз соорудил себе нормальные мастерские и поэтому без особого сопротивления освободил храм, вернее, то, что от него осталось — коробку с ободранными и закопченными стенами (покидая помещение, мастеровые сожгли своё тряпье и прочий хлам). Согласно закону, Общество могло потребовать у бывшего арендатора полного восстановления храма. Но на заседании Общества, где обсуждался этот вопрос, раздался трезвый голос:

— Товарищи, к чему мы занимаемся делами абсолютно нереальными? Реставрация церкви Троицы — это триста тысяч рублей, как минимум. Чтобы найти эти 300 тысяч, колхоз должен продать с молотка свой скот, технику и, возможно, здание правления со всей мебелью...

Понятно, что попытки восстановления храма Троицы на этом и закончились*. (В скобках заметим, что на строительство храмов когда-то оказывались способны едва ли не все села «нищей» Руси.)

Ситуация подобная этой характерна для тысяч сел России. Сейчас колхозы и совхозы достаточно богаты, чтобы бросать нужные им прежде церкви, но время, когда они смогут оплатить реставрацию храмов, вряд ли наступит скоро. Во всяком случае многие из ещё стоящих храмов до той поры не доживут...

* Цифры показательные для колхозной экономики: стоимость коробки ремонтных мастерских от 25 до 80 тыс. рублей. Поскольку у колхозов и совхозов не было этих денег (т. е. государство им не давало), они разрушали храмы, восстановление которых обойдется в 300, 400 и более тысяч рублей... Если, разумеется, их будут восстанавливать когда-либо.

РЕСТАВРАЦИЯ — КАК ЭТО ДЕЛАЕТСЯ?

Представим, что на реставрацию церкви в селе Троицком нашлись деньги. (Допустим, в этих живописных местах в долине Москва-реки проложил новый маршрут «Интурист».) Теперь попытаемся понять, как будет проходить весь процесс восстановления храма.

Прежде всякой реставрации памятник исследуется специалистами и составляется проект его восстановления. У нашей церкви Троицы, возведенной в 1765 году, пожалуй, девяносто шансов из ста получить качественный проект. Изучение памятников — наиболее сильное звено в работе и столичных и провинциальных мастерских. «Бумажную» сторону реставрации, как правило, обеспечивают люди квалифицированные и порядочные. Беды начинаются с утверждения проекта и сметы. Но вот получено согласие Управления культуры на реставрацию церкви Троицы и оказывается, что главные беды еще впереди. Архитектор-проектировщик должен вести постоянное наблюдение за воплощением проекта, но как говорят сами реставраторы, «проектировщик внимательно следит за тем, как его проект не выполняется на всех этапах».

Первый наглядный шаг реставрации — установление лесов вокруг церкви. Это делается лихо и споро: установка деревянных лесов едва ли не самая выгодная часть всех реставрационных работ. Поэтому-то леса и растут с такой скоростью, и устанавливаются там, куда рабочие придут еще через несколько лет, и, главное, зачастую этот первый шаг восстановления памятника оказывается и последним... Леса даже и бесполезные, такое важное средство наглядной агитации, что основная их роль — строительная — отходит на задний план. На знаменитом храме в селе Остров под Москвой леса простояли двадцать лет, просев они продавили купол, но зато все двадцать лет власти могли ответить на любые упреки в небрежении к красивейшей церкви — храм находится в процессе реставрации! На Спасском соборе в Ростове Великом леса установили в начале шестидесятых, для дела они использовались несколько недель, реставрационные работы на соборе пока даже не планируются, но леса стоят... В церкви Покрова в Филях в лесах, возведенных для ремонта ценнейшего барочного иконостаса, через пять лет стояния завелся жучок. Со времен нашествия Наполеона, которому так нравилось барокко, леса стали самой серьезной угрозой существования иконостаса. Но понадобились месяцы хождения по инстанциям, скандалы и слезы научных сотрудников, чтобы заставить рабочих снять их.

После установки лесов начинается завоз материалов. И выясняется, что почти всё завезенное не тех сортов и марок, что требуется по проекту. На претензии архитекторов в запасе прорабов множество аргументов, среди которых есть и неотразимый: даже на реставрацию Кремля идут не те материалы, что требуют авторы проектов, а лишь лучшие из имеющихся сортов кирпича, известняка и прочего. Один из секретов сопротивления

старинных храмов потоку времени заключается в том, что блоки известняка или кирпич и известковый раствор, которым их скрепляли, с годами образовали монолит, абсолютно одинаковый по своим физическим свойствам (воздухо- и водопроницаемости, коэффициенту расширения и т. п.). Современная строительная технология использует во всех случаях цемент, который в принципе не может образовать монолита с другими материалами. Более того, он остается инородным телом и разница в водопроницаемости кладки на известняке и на цементе ведет к переувлажнению стен, отслаиванию известняка (где он есть) и порче настенной живописи. «Нестыкуемость» цемента с известняком и известковой кладкой заметили русские реставраторы еще в начале века, во всех учебниках об их ошибках подробно рассказывается, однако и сейчас повсюду реставрационные работы идут с применением цемента. В Новгороде знаменитый храм Спаса на Ковалева был поднят из руин по той же цементной технологии, несмотря на возражения художников, которые восстанавливали в это время потрясающие фрески XIV века. И когда большие фрагменты фресок были собраны, вернуть их на стены оказалось невозможно из-за влажности кладки...

В нашей церкви Троицы, слава Богу, нет фресок, она кирпичная, стало быть не требуется и дефицитный известняк, и особенно нам повезло — церковь не деревянная.

Всем известны Книжи, которые сохраняются и реставрируются по последнему слову науки. В хорошем состоянии поддерживаются и другие храмы на Севере и в Карелии. Во многих этнографических музеях или музеях народного зодчества можно увидеть деревянные церквушки, которые похожи на неумело и не к месту пересаженные экзотические растения, но всё же целы... Под Москвой на станции Сенеж существует целая лаборатория по консервации и реставрации древесины, и работы ее специалистов заслуживают уважения. Однако судьбу множества деревянных церквей определяют не возможности, открытые наукой, а конкретные реалии реставрационной практики. По существующей системе расценок из всех видов работ с деревом реставраторам оказывается выгодной лишь... сборка лесов. Во всем остальном затраты труда на деревянные конструкции куда менее выгодны, чем работа с металлом, с бетоном или кирпичом. Именно эти, непонятно как возникшие, расценки решили судьбу храмов XVII века в подмосковных селах Семеновское и Благовещение. В Семеновском, разобрав церковь на бревна, якобы для пропитки, реставраторы их больше уже не собирали... В Благовещение (возле Загорска) храм так же было раскатали, но после скандала, поднятого историками и искусствоведами, решено было возобновить его из новых бревен по новому проекту. Так что сооружение, поднимающееся на месте бывшей церкви, можно будет назвать макетом старинной церкви, но не более того...

Из-за невыгодности деревянных работ в пустеющих селах Нечерноземья бросается множество церквей. Десятки из них намечено вывезти в музеи народного зодчества, на деле же до музеев доезжают единицы.

Но как мы говорили, нам с Троицкой церковью повезло во всех отношениях. И если необходимые материалы завезены, и

если их не разворуют полностью (специфика удаленных объектов), и если рабочую силу на храм будут выделять не хуже, чем на другие подобные объекты в Московской области, то лет через 6-8 мы сможем увидеть храм Троицы, приведенный внешне в пристойный вид. Если «Интурист» или иная заинтересованная организация будет сильно торопить реставраторов, то, возможно, лет через 5-6... Как правило, к концу реставрации те части церкви, что были восстановлены первыми, уже начнут снова разрушаться, но всё равно мы должны быть довольны, ибо храм восстановлен и при этом не лишился значительной части своего декора, оригинального украшения, крестов и т. п.

Наиболее вопиющий пример разорения храма в ходе реставрации — церковь Знамения в Дубровицах (XVII в.). О ней не писали советские газеты. За десять с лишним лет реставрации она лишилась половины своих уникальных скульптур, иконостаса и значительной части икон и многих деталей великолепной барочной лепки, как внутри, так и снаружи. Часть этого похитили сами реставрационные рабочие, часть — посторонние, воспользовавшись поставленными и пустующими много лет лесами. Дубровицы самый громкий, но далеко не единственный пример.

Сверкающая золотая глава собора Савино-Сторожевого монастыря под Звенигородом далеко видна по долине Москва-реки, и внешне весь монастырь выглядит вполне благополучно. Ещё бы — реставрационные работы в нем ведутся уже 25 лет (Строился монастырь при царе Алексее Михайловиче около девяти лет). Но восстановленные в 1954-58 годах собор и палаты царицы вновь срочно нуждаются в ремонте. В царицыных палатах послевоенные хозяева монастыря — десантная дивизия — устроили баню для солдат*, реставраторы не осушили подпол, и старая сырость вот уже двадцать лет разрушает известковую кладку стен...

Как ни велик знаменитый иконостас в церкви Покрова в Филях, всё же не сравнишь его с огромным монастырским комплексом. Но и тут, пока реставраторы за много лет добрались доверху, в нижних ярусах позолота уже стала осыпаться...

В последние годы состояние реставрации в стране вызывает всё больше возмущения общественности и отзвуки этого возмущения проникают на страницы печати. В «Правде», «Литературной газете», «Советской культуре» появились статьи о разорении церквей, о затяжной и неэффективной реставрации знаменитых памятников. Таких, например, как главный собор Ново-Иерусалимского монастыря, где восстанавливаемый купол не имеет ничего общего с прежним растреллиевским. Надо думать, в результате многочисленных выступлений и кровопролитных межведомственных боев Ново-Иерусалимский собор будет восстановлен в истинном своем виде. Но за всеми битвами ни у защитников собора, ни тем более у чиновников не хватило времени посмотреть вокруг: а совсем неподалеку от монастыря вырос завод с высокой трубой, искажающей панораму прославленного памятника.

* Постановление Совмина, запрещавшее, в частности, устройство бань и боев в исторических зданиях, вышло в 1948 году, однако в палатах царицы баня просуществовала до самого перебазирования дивизии в 1954 году.

За выступлениями газет, за речами специалистов на различных творческих и практических конференциях вырисовывается новый и немаловажный аспект в общем положении с реставрацией памятников в стране: реставрационные организации систематически не выполняют планов, одобренных партийными властями. Не выполняют планов, как по объему работ, так и по их качеству. Теперь власти и хотели бы сохранить небольшую толику храмов и содержать их в порядке, но дезорганизация и развал в строительной системе сводит на нет добрую половину их благих намерений.

В 1976 году, вскоре после утверждения Москвы организатором XXII Олимпиады, был разработан план приведения в порядок памятников архитектуры вдоль трасс в Подмоскowie и на Золотом кольце. (Кроме того, вдоль дорог от Чопа и Бреста на Москву.)

Реставрация предполагалась не Бог весть какая обширная, в основном подновить уже реставрировавшиеся храмы и придать приличный вид другим, стоящим в «зоне видимости с дороги». Программа реставрации памятников к Олимпиаде-80 в избытке финансировалась, власти относились к ней более серьезно, чем ко всем иным. И тем не менее к осени 1978 года реставрационные тресты почти всех областей, и прежде всего московской, официально признали свою неспособность выполнить намеченные работы к 1980 году. В целом по Москве и по Золотому кольцу реставрационные работы будут выполнены примерно процентов на шестьдесят.

Последний случай заставляет задуматься над тем, каковы реальные пути сохранения храмов в нынешних социально-экономических условиях? Возможно ли обеспечить такое сохранение вообще?

Рассмотрим пример с церковью в селе Шарапово, пример не имеющий ничего общего ни по масштабам, ни по важности реставрируемых объектов с программой реставрации к Олимпиаде-80. Несколько лет назад к председателю колхоза в селе Шарапово, что неподалеку от города Чехов, пришли молодые художники-москвичи и предложили реставрировать местный храм. Как и в других местах, шараповская церковь числилась памятником и камнем висела на шее председателя, ибо использовать её колхоз более не желал, а восстановить не мог. Художники попросили минимум стройматериалов и зарплаты, а также разрешения после реставрации пользоваться храмом как мастерской в летнее время. Председатель в Шарапове оказался разумнее многих своих коллег, он согласился. И не пожалел. За одно лето церковь приобрела прежнюю свою белизну и красоту, и стоило это всего около 7 тысяч рублей. (Допустим, шараповская церковь была не так обезображена, как троицкая, и государственная цена реставрации была бы не 300, а 200 тысяч. И всё равно — 7 тысяч и 200, и одно лето — и 5-8 лет!)*

Шараповская церковь засверкала над избами села, и жители соседних сел стали интересоваться — нельзя ли и им поправить

* Шараповские реставраторы так же располагали стройматериалами не всех необходимых сортов и марок и, при всей добросовестности исполнения работы, это в определенной степени сказалось на качестве реставрации, прежде всего на качестве малярных работ.

разоренные храмы? А сами гордые шараповцы вспомнили, что прежде красивый холм возле церкви был местом гуляний всего села, и что тут молодежь водила хороводы и играла летними вечерами... Так что и вокруг церкви навели порядок, хотя всего холма уже не вернешь: именно тут, подле храма, согласно присланному из райцентра плану, поставили ремонтные мастерские и бетонный основательный забор отрезал нижнюю часть холма*.

Урок Шарапова говорит не только о реальной цене реставрации (и об истинной цене тех миллионов, число которых пропаганда выдает за мерило заботы государства о культурном наследии). Он указывает и эффективные методы реставрации храмов.

Применяя «шараповский метод», на те деньги, которые, скажем, Общество охраны памятников тратит на реставрацию одного храма, можно было бы восстановить десять. В республиках Прибалтики в последние годы кооперативам художников и архитекторов разрешено восстанавливать старые особняки и усадьбы. Нет сомнения, что, если таким же образом разрешили бы реставрировать и церкви, во многих местах нашлись бы люди — как верующие, так и стоящие вне Церкви, которые охотно *участвовали бы* в восстановлении храмов или жертвовали бы на них. Даже приняв широкие масштабы, такая реставрация не угрожала бы ни экономике государства (например, вся реставрация по всей Российской Федерации требует менее одного процента производимых в стране стройматериалов), ни идеологии — ведь приведение храма в порядок еще не означает открытия его для служб. И тем не менее очевидно, что на восстановление храмов силами общественности и местных кооперативов, власти никогда не согласятся. Единичные случаи, вроде шараповского, ничем властям не угрожают, но распространение «шараповского опыта» означает для них согласиться на большую степень независимости граждан от государства, означает согласие на большую, чем «положено», инициативу граждан и реальных (не созданных сверху) общественных организаций. В некоторых случаях, когда иначе ничего не построишь, не создашь, власти идут на послабление контроля и разрешают организацию так называемых «шабашек», производительность труда в которых фантастическая по сравнению с производительностью обычных бригад государственных трестов. Но, конечно, храмы, культовое зодчество не тот случай, когда власти согласятся пожертвовать своими привычками полного контроля над всеми сферами производства.

Личному, частному приобщению людей к культуре Православия власти мешают, но тут возможности их не безграничны. Всякая же организованная форма контактов с религиозной культурой рассматривается как угроза господствующей идеологии и решительно пресекается. В середине шестидесятых годов в Москве был создан комсомольский клуб «Родина», юные члены которого активно помогали восстанавливать Крутицкое подворье и Ново-Спасский монастырь. У истоков клуба стояли В. Пес-

* Забор этот напомнил другой, стоящий вокруг храма иной религии, в другом конце страны, но совершенно аналогичный. В Забайкалье, возле дацана в Агинском бетонный забор воздвигли, расположив за ним районную Сельхозтехнику. Так что в любой момент можно включить моторы тракторов и машин, чтобы заглушить звуки буддийского праздника.

ков, П. Корин, П. Д. Барановский. «Комсомольская правда» писала о клубе, как о примере подлинного патриотизма, примере, достойном подражания. Через пару лет клуб привлек к себе уже многие сотни старшеклассников и студентов, они с энтузиазмом трудились, помогая реставрировать московские церкви, ведя самостоятельные исторические исследования. И райком партии (Пролетарского района Москвы) велел ликвидировать его. Повод для ликвидации власти нашли до того знакомый, до того напоминающий кампанию по закрытию церквей в двадцатых — несколько винных бутылок в помещении клуба, — что истинная причина недовольства властей не вызывает сомнений.

Трудно сказать, были ли верующими людьми реставраторы шараповской церкви, но явно они с уважением относились к творениям Веры, сочувствовали бедственному их состоянию. Если бы все бригады реставраторов составлялись из таких людей, то сами собой решились бы многие из проблем реставрации: качество работы, производительность труда, сохранность строительных материалов.

«Каждая вещь живет до тех пор, пока у неё есть хозяин», — сказал житель села Благовещение под Загорском о разрушенном реставраторами деревянном храме. В равной степени это справедливо и для тысяч других храмов. При всем искреннем желании и болснии душой, живущий за сотни километров в большом городе официальный «охранник» не может быть настоящим хозяином и хранителем сельского храма. В лучшем случае он может быть консультантом, помощником тех, кто, живя близ своего храма, заботятся о нем.

Именно верующим мы обязаны спасением многого, что теперь, перекочевав в залы лучших музеев страны, составляет предмет гордости официального искусства. В сборнике «Памятники Отечества»^{*} описывается ряд случаев спасения ценнейших икон. Истинным подвижничеством было отыскать и вынести иконы из глухих разоренных церквей, уберечь их от рук спекулянтов, а затем раскрыть и отреставрировать чудом сохранившуюся живопись. Восхищаясь этими людьми, авторы статьи не говорят лишь об одном — всё это совершали люди верующие.

Официальные органы охраны памятников и музейные органы не могут не нести на себе печати общей бюрократической системы. Даже там, где они работают относительно неплохо, формальной заботы хватает чаще всего лишь на полдела. Её хватило на то, чтобы хранить в церкви XVII века в Коровниках в Ярославле сравнительно безвредный продукт — мыло. Однако мыло, впитывая влагу из воздуха, привело вскоре к такой сухости в помещении, что уникальные фрески начали осыпаться и почти полностью погибли... Государственного внимания к другому памятнику — церкви XVII века в Тутаеве — достало на распоряжение регулярно сметать пыль со стенной живописи. Но поскольку пыль уборщица сметала метлой, то все нижние яруса фресок, куда доставала метла на ручке, погибли...

В закрытом в тридцатые годы соборе в Каргополе сохранились полностью все иконы, поскольку молодая верующая женщина пошла сторожихой в храм, преобразованный в склад, что-

^{*} «Памятники Отечества» т. III. — М., 1977.

бы оберегать их. Когда это случайно открылось в начале шестидесятых, её со скандалом уволили. Через несколько лет за спасение икон от спекулянтов-перекупщиков и коллекционеров взялась комсомольская «легкая кавалерия». Её патрули конфисковали на вокзалах, пристанях десятки «досок», и комсомолки с горящими глазами гордо демонстрировали свою добычу группам туристов в назидание «неустойчивым элементам». Демонстрировали, а затем складывали в кучу на пол в одном из приделов бывшего собора, где протекала крыша. Вскоре от сырости краска на иконах оплыла и сошла...

Среди музейных церквей Золотого кольца несколько западают в душу более других: деревянная церковь Иоанна Богослова на Ишне близ Ростова и знаменитый храм Покрова на Нерли. Запоминаются они не только архитектурными предестями, но и другим — своими верующими хранительницами. Пожилые женщины возвращают этим храмам черты жизни. Посетители Покрова на Нерли помимо прочего восхищаются гулким эхом под его сводами, современным языком говоря, акустикой. Но вот хранительница Александра Ивановна рассказывает, что как-то на Пасху приехали семинаристы из Загорска и исполнили в древнем храме песнопения литургии... Её отголоски не умолкали под высокими сводами день... два... неделю... Весь год, до самой следующей Пасхи в минуты полной тишины Александра Ивановна слышала отзвуки литургии и иногда экскурсанты, приходившие впервые, вдруг прислушивались и спрашивали: — Что это? Кто-то поет?

В таких рассказах есть теплая нить жизни православного храма, что пресеклась в других «омузеенных», где служат обычные экскурсоводы и сотрудники.

Их мало, и остается все меньше — таких хранительниц, как Александра Ивановна и Надежда Константиновна, которая живет при церкви на Ишне, но, к счастью, многие молодые архитекторы, художники, историки, воспитанные в твердокаменно-атеистическом духе, все чаще обращаются к вере.

Как правило, происходит это в результате долгих духовных поисков, но весьма существенную роль играет и длительное — по профессии — общение с символами и священными предметами Православия.

Проведем мысленный эксперимент. Представим, что вслед за шараповской церковью так же быстро и хорошо начали восстанавливаться сотни храмов в Подмосковье и в других областях. (Сотни из тысяч — это вполне осуществимо практически.)

Сейчас, наслаждаясь иконописью в музеях, бывая в Суздале или Ростове, листая альбом или книгу о древнерусской живописи, сверх уважения и восхищения мы ощущаем ещё одно, внушаемое нам постоянно: — Все это искусство далеких предков: культура, давно умершая и не только с современной Православной Церковью, но и с Православием XVIII и XIX веков ничего общего не имеющая. Действительно, трудно поверить, что прежняя огромная страна — Святая Русь — то же самое, что небольшие островки древнерусского искусства, которые ныне доступны нам. Всего в шестидесяти километрах от Москвы находится Троице-Сергиева Лавра. Однако сейчас поездка в неё воспринимается многими как путешествие в далекое прошлое, в опреде-

ленном смысле как знакомство с уцелевшими храмами и фресками Помпей или с остатками полумифической культуры Атлантиды...

Но вот, представим себе, эта затопленная совсем недавно Атлантида всплыла бы... Сотни храмов, восстановленных внутри и снаружи, добавились бы к десяткам существующих, помимо прочего давая возможность извлечь из запасников все уцелевшие иконы и прочие предметы искусства Православия... Та красота и золото, которые, по слову Солоухина, соскребли с русской земли и частично собрали в горсти в хранилищах больших городов, вернулись бы вновь к своей земле... Вероятно, даже «омузеезные» храмы не только изменили бы представление о позднейшем русском и зарубежном изобразительном искусстве, не только оказали бы более мощное, нежели сейчас, воздействие на развитие современного искусства, но и через искусство, литературу и философию повлияли бы на общественное сознание...

С точки зрения людей, смотрящих на жизнь из окон райкомов, это, конечно, картина криминальная, и они сделают всё возможное, чтобы пресечь возрождение религиозного мировоззрения, чтобы оставить все наследие Православия в предписанных ему рамках раздела «история русской архитектуры и искусства».

Полный контроль над духовной и культурной жизнью населения власти считают по-прежнему одной из важнейших своих задач, и потому рассчитывать на большую, чем сейчас, терпимость к религии и её символам не приходится. Если и есть оружие в борьбе за сохранение не только непогик избранных «счастливицев» среди храмов, то оно то же самое, что и в борьбе с насилием и произволом в других областях жизни. Это широкий нравственный протест, который должен проявляться во всех формах. Прежде всего в предании гласности реального положения вещей в этой сфере, во вскрытии абсурдов современной системы хозяйствования, в выявлении коррупции и иных безобразий. Общественное влияние на власть может заставить ее в конце концов признать право как верующих, так и стоящих вне Церкви людей заботиться об уцелевшем наследии Православия и заботиться в той мере, в какой они сами, а не бюрократический аппарат, сочтут нужным.

«О ПРЕДЕЛАХ ВАНДАЛИЗМА»

«Будем надеяться, что наши древности, не разрушенные татарами и другими иноплемениками, устоят и против всякого незнания и невежества».

Гр. Уваров, основатель «Московского Императорского Археологического Общества»

«В Россию как в хранилище не верю. Всё мне видится она пепелищем».

М. Цветаева

В 1911 году Игорь Грабарь опубликовал небольшую статью с громким заголовком «Пределы вандализма». Вандализмом он именовал, например, предполагаемый снос неказистого, но «милого аптечного домика Московского университета», построенного архитектором Григорьевым, и уродование фасада особняка Кваренги при превращении его в доходный квартирный дом.

За три года до первой мировой войны и за двадцать восемь до второй Грабарь даже приблизительно не мог представить себе, как далеко передвинутся понятия о вандализме, о его пределах в течение жизни одного поколения.

Вскоре после второй мировой войны под редакцией И. Грабаря вышел толстый том, посвященный утратам, которые нанесли фашисты за годы войны культурному достоянию России. Грабарь писал:

«Никогда мир не был свидетелем таких чудовищных разрушений памятников культуры... Великие сооружения, прекрасные произведения живописного искусства, созданные гением русского народа, либо уже невозможны, либо искажены до неузнаваемости... Этот скорбный список отмечает лишь малую часть погибших художественных сокровищ, но он поведает всему миру о злодейских делах и напомнит о великом, бывшем до прихода фашистов...»

Немцы, разорив значительную часть страны, нанесли тяжелейший урон памятникам культуры, в том числе и храмам различных религий. Из общего числа в сорок с лишним тысяч памятников культуры, которые, по свидетельству Грабаря, уничтожили фашисты, не менее двух тысяч одних православных церквей.

Всё это так. И всё же сложно отделаться от мысли, от ощущения, что слова о горчайших утратах русской культуры невольно адресуются Грабарем не только к фашистам, но и к своим... И к горечи потерянному на войне примешивается двойная горечь погибшего в мирное время, двойная от того, что вслух высказать её было немислимо...

Если говорить об утраченных памятниках архитектуры вообще, то только Москва лишилась более половины своих памятников ещё до того, как на неё упала первая фашистская бомба. (Из семи тысяч памятников осталось около трех.) Немецкие варварства происходили только на оккупированной части страны, а свои охватили всю... Существенная разница и в том, что из

уничтоженного фашистами многое скоро восстановили, это было патриотическим делом, а из снесенных своими храмов не реконструирован до сих пор ни один... И если и можно с чем-либо сопоставить урон, причиненный русской культуре «своими» с 1917 года по сей день, то, вероятно, только с разорением, которое принесли на русскую землю татары...

Сопоставление это — «свои»-«татары» — тем более неслучайно, что в 1980 году исполняется шестьсот лет со дня битвы на Поле Куликовом. И в этой связи интересно будет остановиться на проблеме реставрации памятников Битвы к юбилейной дате.

Даже в официальных кругах ныне не могут обойти того факта, что реставрация храма и столпа на Поле Куликовом началась после опубликования рассказа А. И. Солженицына «Захар-Калита». (Разумеется, говорят — «выступление «Нового мира» или «критика «Нового мира»...»). «Обидевшись» на журнал, который даже не предупредил ее о публикации критического материала, тогдашний министр культуры СССР Фурцева приказала тульским властям срочно навести на Куликовом Поле порядок. Срочно не срочно, а через голик туляки рапортовали, что всё сделано... Посланный из столицы архитектор выяснил, что ничего не сделано, зато к разоренному храму прокладывается дорога... Может быть, Фурцева поостыла, а скорее всего и она ничего ускорить не могла, словом, восстанавливали храм Сергия Радонежского около десяти лет... (Строили с 1912 по 1917, то есть в военное время — пять...). Недавно, уже после смерти Фурцевой, храм приобрел внешне пристойный вид, хотя кое-что — двери, окна — ещё не доделаны.

К нынешнему юбилею реставраторы подготовили солидный проект, включающий и стеллу со схемой битвы, и аллею с гербами русских городов, что послали своих воинов Дмитрию Донскому, и — главное — на непаханных участках степи в Поле должны были стать гранитные глыбы, как вехи на тех местах, где произошли самые кровопролитные столкновения русских с татарами... Весь проект, включая и вехи, и подземные дороги, и реставрацию церкви в Монастырщине, что стоит на могилах убитых в Битве, — всё это требовало денег 1 миллион рублей. При утверждении проекта в высоких инстанциях первым делом вычеркнули гранитные вехи. Всё историческое Поле, за исключением Красного холма, где на месте ставки Мама в прошлом веке к 500-летию Битвы воздвигли столп и позже храм, всё кроме этого, принадлежит свиновхозу, который выращивает на Поле пшеницу, кормовую репу, свеклу и т. п. Поставлен совхоз был каким-то академиком в «волюнтаристские» хрущевские времена, однако и сейчас выкорчевать — не весь совхоз, Боже упаси, нет — несколько гектаров свеклы, оказалось невозможным... Под вехи не дали ни клочка земли... Не будет и многого другого из запроектированного, ибо из требовавшегося миллиона отыскивали власти что-то около 400 тысяч... (Для сравнения — смета на реставрацию и расширение московского Музея революции — 7 миллионов!)

Прохладно относятся власти и к восстановлению к юбилею и многих других храмов и иных памятников, связанных с исторической Битвой, и причина тому, как ни парадоксально, — та же Олимпиада-80 в Москве...

К своему несчастью, битва состоялась почти в те же сроки — начало сентября, что намечены для проведения Игр... Поэтому нет никакой уверенности, что наконец приведут в порядок церковь Рождества в Старом Симонове, где были захоронены останки Пересвета и Осляби. До сих пор не выяснено, сохранились ли эти останки или же выброшены экскаватором при постройке в конце 40-х мощного фундамента под трансформатор. Владелец храма, — числящийся по оборонному ведомству завод «Динамо», из года в год оттягивает вывод из церкви своего оборудования и не позволяет начать раскопки под ней. На вопрос, будут ли они начаты к Олимпиаде, специалисты по археологии предпочитают отшучиваться и, надо сказать, мрачновато:

— Пересвета и Ослябю нам, конечно, дадут откопать, если их надо будет выставять за олимпийскую сборную страны по борьбе... Впрочем, генералы и тогда могут решить, что мощи богатырей важнее для оборонной мощи страны, и не выпустят их с завода...

Само по себе происходящее с памятниками Куликовской Битвы, да и вся проблема сохранения архитектурных памятников, не вызвала бы такой озабоченности, если бы она не была сопряжена с той общей тенденцией забвения Прошлого, которая, развившись шесть десятилетий назад, не ослабевает до сих пор, а лишь меняет свои формы.

Говоря подробно о храмах, мы привели некоторые разрозненные данные о сохранении памятников гражданского зодчества. Сохранения икон и фресок в музеях мы почти не касались, ибо понадобилась бы отдельная книга, чтобы разобраться в состоянии музейного дела в стране, в состоянии тех запасников икон и картин, о которых общественности стало известно из «Черных досок» и «Писем из Русского Музея» Солоухина. (За десять прошедших лет в них произошли существенные изменения только в одном отношении — старая система замков заменена новой, более современной.) До сих пор не где-нибудь в глуши, а в столичных центральных музеях гибнут картины, иконы и мебель. (А гибнут из-за того, что ещё не разобраны фонды вещей, конфискованных в 1918-1920-х годах в барских усадьбах.)

Отдельного рассмотрения требовало бы и укоренившееся варварское отношение к старым кладбищам, которое не обошло и таких кладбищ, как в Александро-Невской Лавре в Ленинграде. Не приходится и говорить уже о сотнях разоренных некрополей в монастырях и вблизи храмов в Центральной России, где об особенностях места напоминают лишь случайно уцелевшие остатки мраморных надгробий и плит...*

Только в одном аспекте в тенденции забвения произошли изменения — в отношении того, что имеет антикварную, материальную ценность, но и эти перемены породили больше новых угроз, нежели возможностей сохранения Прошлого.

* Вблизи Троице-Сергиевой Лавры в Черниговском монастыре, где находились могилы Розанова и Леонтьева, в советское время устроили приют для слепых. Теперь от кладбища ничего не осталось, но замечательно объяснение, которое этому дают: «Слепые цеплялись за кресты, пришлось их спиливать».

Безвестна ныне и могила другого религиозного философа Федорова (1828—1903), предсказывавшего сто лет назад: «При господстве четвертого сословия... история как напоминание о предках будет истребляться во всех видах, в виде памятников, храмов, кладбищ...»

Как ниточки из одного клубка, проблемы экономические, административные, политические, социальные приводят к одному и тому же: к проблемам нравственной деградации общества. Можно найти достаточно аргументов в пользу честности и порядочности, можно назвать сотни людей, бескорыстно выполняющих свой долг, однако нельзя отрицать деградацию официальной морали в глазах сотен тысяч и миллионов.

«Каждый куст, — говорит французская пословица, — ветвится в разные стороны». Многие из плодов насажденной после 1917 года морали оказались не просто сюрпризом для «садовников», они крайне неприятны для них, но у партийных властей нет возможности да и желания заменить сам «куст», т. е. официальную идеологию. Думали ли теоретики и практики коммунизма, внушая массам принципы новой классовой морали, что обернется это отсутствием всякой морали? Что директивные, диктаторские методы управления хозяйством воспитают не послушных и исполнительных работников, а людей безответственных, плюющих на всё, кроме собственного благополучия? Что комсомолец, подталкиваемый разорять церковь, много лет спустя, когда государство решит восстановить храм, будет продавать и пропивать отпущенный на реставрацию стройматериал?.. Или, став председателем сельсовета и получив распоряжение срочно привести в порядок сельскую деревянную церквушку, тайком подожжет её ночью, ибо к чему ему хлопоты по ремонту и содержанию памятника архитектуры?*

Государство сейчас в состоянии снабдить все хранилища и музеи электронными запорами и системами сигнализации, в его силах издавать строжайшие законы и расширять без предела штаты милиции, но оно бессильно изменить отношение своих же сотрудников к храмам, к иконам и другим произведениям искусства лишь как к вещам, имеющим высокую стоимость.

«В области реставрации и сохранения предметов искусства в музеях, — признал один из руководящих работников Министерства культуры СССР, — одной из главных становится проблема морали. Попросту говоря, честности сотрудников музеев».

Официальная мораль подвержена эрозии во всех слоях общества и она уже не в состоянии быть опорой во множестве возникающих ежедневно ситуаций.

Почему бы художнику, реставрирующему фрески, не ускорить свою работу в несколько раз (соответственно и заработки), соскребая древнюю живопись и маюя в том же стиле своё? Почему, если этим доволен не только сам добычливый художник, но и заказчик: «Живопись яркая, сочная, жизнеутверждающая»?

Почему другому реставратору не взять себе кусок фрески, если из уцелевших фрагментов росписи древнейшей церкви Спас-Нередицы в Новгороде недавно пропали самые ценные части — лики святых, хотя они были спрятаны авторитетными и уважаемыми учеными в месте, известном только им самим? (Иначе говоря, и место нахождения фрагментов стало известно похитителям, и перед похищением была проделана высокопрофес-

* Именно в такой ситуации был сожжен храм XVIII века в бывшем имении Огонских под Сморгонью в Западной Белоруссии.

сиональная работа сборки кусочков фрески. Расследование и поиски у коллекционеров не дали пока результатов.)*

Почему бы коллекционеру не продать честно приобретенные им царские врата XVII века, распилив их по сенам на несколько частей, что куда выгоднее?

Почему рядовому сотруднику музея нельзя задешево купить найденную икону или откопанную при археологических исследованиях вещь, если сотни подобных вещей уплывает в личные коллекции весьма высокопоставленных начальников, имеющих достаточно власти, чтобы получать за гроши едва ли не всё, что их интересует?

Почему бы — совсем мелочь — не позаимствовать иконы или картины из запасников, чтобы повисели дома (похвастать перед девушками, перед гостями), если в Ленинграде, славящемся безупречным сохранением старины, свадьба дитяти одного из отцов города устраивается в бывшем царском дворце, и для неё извлекаются из Эрмитажа коллекции фарфора Романовых, причем значительная часть коллекций в широте гуляний бьется «на счастье молодых»...

Переплетение экономических и моральных факторов делает расхищение предметов старины процессом, с которым власти почти не в состоянии бороться. Серьезность положения усугубляется тем, что главное оружие властей в борьбе с ним — замалчивание. Журнал «Человек и закон», газеты «Неделя», «Советская культура» печатают немало очерков о похищении икон и других церковных ценностей и о более или менее скором наказании преступников. На страницы печати практически не попадают факты, которые не успокаивали бы встревоженную общественность, а, напротив, призывали бы её задуматься**.

Зато серьезное внимание советских специалистов привлекает положение с культурными сокровищами в Европе и в США. В своей статье в «Памятниках Отечества» А. Н. Федоренко*** пишет, что в буржуазных странах художественные ценности, с одной стороны, становятся добычей грабителей, с другой, ещё оставшиеся прячутся в бронированных сейфах и исчезают с глаз тысяч любителей искусства. Не приходится сомневаться в основательности приводимых автором фактов. Нельзя было бы усомниться и в истинности его тревоги, если бы он не отсекал проблем капиталистической Европы от своих, домашних, российских. И сам Федоренко и редакторы «Памятников Отечества»,

* Выпиливание фрагментов фресок становится распространенным видом хищения. В церкви в Больших Вяземах (где многострадальная могила брата Пушкина) были выпилены пять кусков фресок, вероятно, не без содействия самих реставраторов.

** Скрытая инфляция способствует всё возрастающему спросу на антиквариат. При сносе нескольких старых кварталов под крытый Олимпийский стадион в Москве хищения приняли характер большого, хорошо налаженного бизнеса. За одну ночь из домов прошлого века были вывезены старая русская печь, камни, мраморные подоконники, лепные детали потолков, не говоря уже о напольниках, картинах и прочем резном дереве.

Среди множества публикаций на тему похищений антиквариата лишь единичные пытаются докопаться до социальных и экономических корней явлений. Например, статья «Срель бела дня» Л. Лирмяна («Советская культура», 10-11 октября 1978 г.).

*** «Памятники Отечества», т. III, статья: «О сохранении духовных сокровищ Европы». — М., 1977.

как говорится, по глаза залиты информацией о расхищении и разорении культурного наследия России. Однако они находят время (а их издатели дефицитную бумагу высокого качества) и бескорыстно пекутся о делах богатого соседа больше, чем о своих собственных...

Между тем советской общественности куда важнее было бы своевременно узнать, скажем, о подвигах группы охотников за иконами. Группы, или точнее, треста настолько мощного, что он обшаривал не только европейские области страны, но и самые глухие углы Сибири, где у старообрядцев выманивались иконы старинного письма. Трест этот был настолько богат и влиятелен, что в путешествиях по Сибири его агенты не утруждали себя тяжким сибирским бездорожьем и на много дней фрахтовали вертолеты для поисков киржацких скитов*. Однако трест и его агенты остались не только неизвестными широкой публике, но и безнаказанными.

Важно было бы известить общественность и о недавнем похищении икон из Ярославского музея. Задержки с расследованием пропажи едва ли не сотни ценнейших икон, легкость и быстрота, с которой десятки из них, миновав все препоны, оказались за границей в частных коллекциях — всё это, вероятно, вызвало бы серьезную озабоченность нашей общественности... Если бы, разумеется, она знала о них...

Фактов, говорящих о новых — и прежних — угрозах храмам и всему наследию Православия, к сожалению, гораздо больше, чем информации противоположного свойства. Но, конечно же, не одни только симптомы культурной и духовной деградации можно обнаружить в сегодняшнем российском обществе. В той поляризации, которую оно переживает, усиливаются и поиски новых нравственных ценностей, растет и число людей, приходящих к христианству, к религиозному постижению бытия. Явление, получившее название «Русское религиозное Возрождение», достаточно известно и не здесь, и не мимоходом говорить о его значении в духовном оздоровлении современной российской жизни.

Если же напрашивается какое-то завершение, какая-то точка в данной подборке материалов, то пусть это будет ещё одна документальная история, говорящая о храмах Веры, которые и в руинах не мертвы.

Пусть это будут слова человека из русской деревни, одной из тысяч в Средней полосе, который, вернувшись спустя много лет на родину, увидел сельскую церковь разбитой и изгаженной... В алтаре, где когда-то его крестили, сквозь битый кирпич проросла трава... И внезапно такой протест охватил его — против надругательства, против фактически узаконенного обществом надругательства над святынями, что тут в разоренном храме он вновь ощутил себя верующим.

* Для сравнения: экспедиция института Истории Сибирского отделения АН много лет обходила те же киржацкие районы в поисках древних книг, чудом уцелевших после чисток 30-х годов. (В 30-е конфискованные у старообрядцев религиозные книги телегами свозили к кострам.) И вот эта экспедиция, собравшая немало бесценных осколков Древней Руси, ни разу за много лет не получила денег на фрахт дорогостоящих вертолетов.

— Они хотели, чтобы мы примирились с безверием, с бездушием, со всем, даже с этими загаженными руинами — нет! Я верую! Верую!